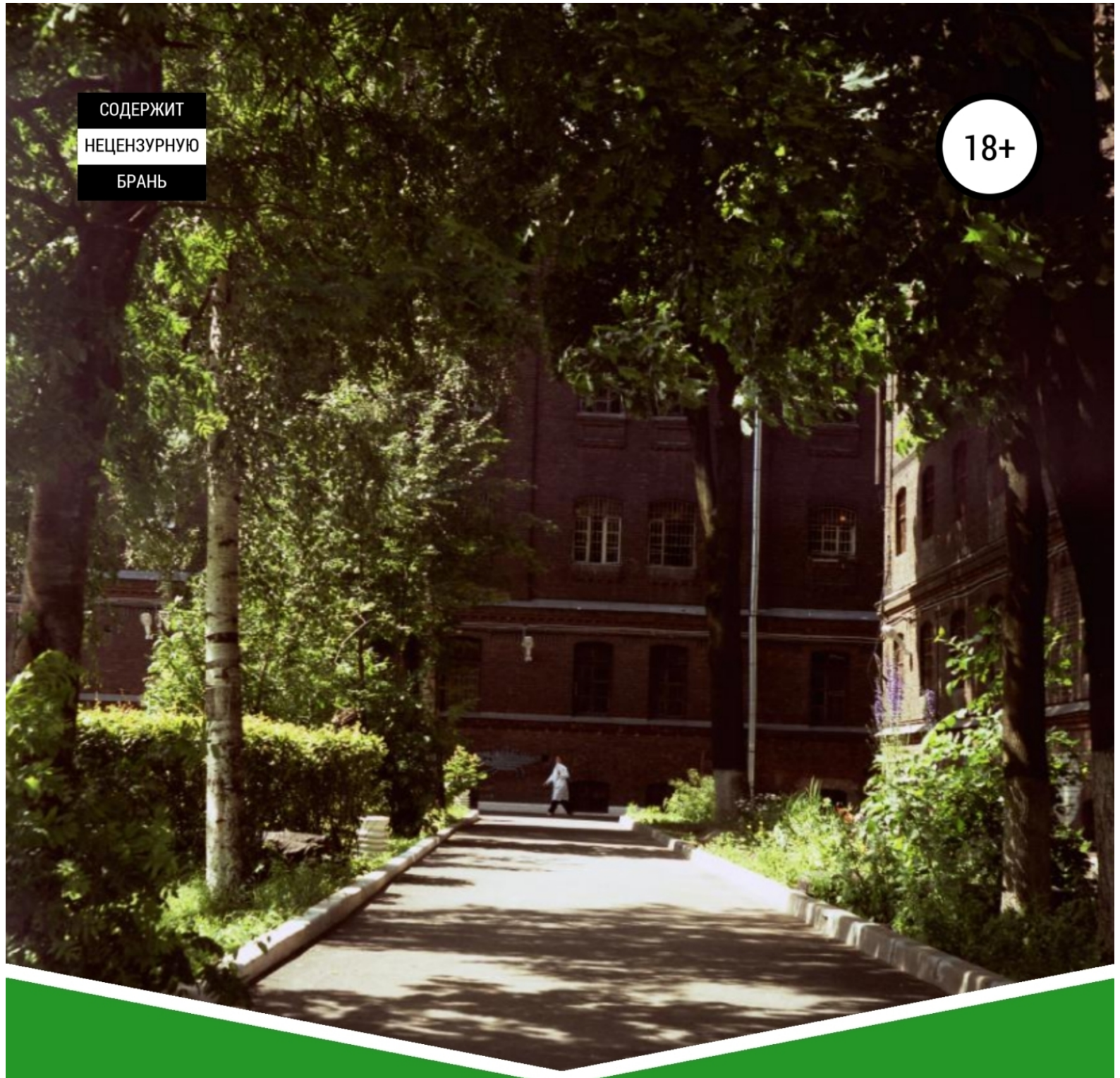

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Иван Стародубов
Ты будешь счастлива, Оксана...

Иван Стародубов

Ты будешь счастлива, Оксана...

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Стародубов И.

Ты будешь счастлива, Оксана... / И. Стародубов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В книге Ивана Стародубова (псевдоним А. Искенова) представлены рассказы и повести о тяжёлой жизни людей, волею судеб ставших психически больными. Среди персонажей встречаются, к большому сожалению, люди, опасные для общества. Однако гораздо чаще больные сами становятся жертвами дискриминации со стороны «здоровых» людей. Заслуживают ли они такого отношения? Книга включает в себя произведения, написанные на основе личных воспоминаний, и вымышленные истории. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Рассказ об одном товарище	5
Ты будешь счастлива, Оксана...	6
Оглянувшись назад (из личных воспоминаний)	14
Милой, любимой и родной	20
Заберите Васю!	22
Проклятое место	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Иван Стародубов

Ты будешь счастлива, Оксана...

Рассказ об одном товарище

– Вся жизнь – хуйня! – любил повторять Стас, после рукопожатия при встрече со мной на старой работе. Это был рослый, круглолицый парень, плотного телосложения, с мальчишеским лицом, большими глазами и грустной улыбкой. Скрытая тоска томилась в этом молодом человеке, ему была свойственна быстрая смена настроения и хорошая работоспособность. Станислав не курил, но был слегка занудным, а своё невезение с женским полом глушил, что называется, «горькой».

Бригадир грузчиков четвёртого склада, где работал Стаська Рыбаков, которого звали Юрий Васильевич, пожилой и высокий мужчина, рассказывал мне, что у парня с головой не в порядке, что он тоже инвалид, как и я, а устроили его на работу по благу, потому что отец у Стаса бывший начальник Владимирской тюрьмы.

Несмотря ни на что, Рыбаков любил поговорить «за жизнь», но никогда на работе в нетрезвом состоянии не появлялся. Жил он недалеко от христианской церкви протестантов, в которую мы с покойной женой ходили больше года. Там же жила и одна из моих подружек Оля М., с которой я периодически имел интимные отношения.

После работы Стас заходил в подвал, где собирались местные алкаши. В подвале гремела на всю радиолу; стоял старый теннисный стол, усеянный бутылками, на котором пьяницы по очереди «имели» свою собутыльницу Алину. Их «заправляла», здоровенный мужик, предлагал синюшку и Стасу, но тот молча выпивал полный стакан водки, разворачивался и уходил.

Ему не нужно было это пьяное порево, Станислав был хороший, настоящий пацан. Он хотел единственную и неповторимую, без детей, желательно девственницу, которая создана для взаимной любви. Такой же взаимной любви хотел найти другой мой приятель, умерший от очередного запоя в тридцать два года Санёк Васенин.

Шло время, минуло несколько лет, как мы вместе проработали на одном предприятии. А Рыбаков так и не нашёл себе подругу, хотя на работе девок было до чёрта. Они менялись быстро, по молодости надолго не задерживаясь. Одни уходили, приходили другие. Стас всё больше становился задумчивым и всё время повторял с грустной улыбкой: «Вся жизнь – хуйня»...

Он ждал только очередной зарплаты, чтоб опять уйти в тот «заветный» подвал, скинуться деньгами с пьяницами, и выпить стакан «лечебного» пойла.

Как-то, придя на работу, он показал мне свою руку с рваной раной.

– По стеклу долбанул, – сказал мне Стас, – отец довёл.

Мне было жалко парня.

Стас хорошо знал мою подругу в лицо, у которой почему-то было прозвище Рембо.

– Ольга тебе привет передавала, – с серьёзным взглядом говорил мне Станислав. – Ей передать?

– Передай, – отвечал я.

Вскоре предприятие наше развалилось, и Рыбакову пришлось уволиться. На прощанье он крепко пожал мне руку.

– Удачи тебе, Стас! – от души пожелал я ему.

– Вся жизнь – хуйня... – с той же грустной улыбкой ответил мне он.

Дай Бог, чтоб ему повезло!

Ты будешь счастлива, Оксана...

I

– Какая ты красивая, Оксана, какая ты прекрасная! – восторгался темноволосый юноша, глядя нежное тело своей девушки. Он только сейчас потерял свою девственность, этот хрупкий, семнадцатилетний мальчик. А Окс в свои шестнадцать уже всю набиралась сексуального опыта. В действительности, это была обычная особа, знающая себе цену, но с хорошей, довольно привлекательной фигурой. Артём, так звали юношу, был сыном учителей местной школы. Отца его, преподавателя русского и литературы, а также классного руководителя в одном из старших классов, убили пьяные отморозки в позапрошлом году.

Интеллигентный, невысокий очкарик возвращался домой поздно вечером. Вдруг он услышал у подъезда соседнего дома девичий крик и ржач подвыпивших парней. Молоденькую, симпатичную девчонку дюжие хлопцы волокли в тёмный угол, намереваясь утолить свою похоть. Несчастливая девка вырывалась, истошно крича и всю дрыгая ногами, но парни уже порвали на ней розовенькую блузку, срывали джинсы и лезли грубыми руками под маленькие, почти детские трусики.

Папа Артёма, разумеется, не мог совладать с двумя здоровыми молодцами, но и безучастным не остался. Он, как можно вежливей, попросил парней отпустить девушку. Пьяные гопники послали учителя подальше. Тогда педагог пригрозил вызвать милицию, если девушку тотчас не отпустят.

Такой вызов только озлобил беспредельщиков. Отшвырнув девку в сторону, подонки уронили мужчину на землю и принялись жестоко избивать несчастного.

Девчонка, в ужасе закрывая рукой разорванную кофточку, а другой рукой придерживая сползающие джинсы, бросилась домой, попросту забыв про своего спасителя, думая только о себе.

А отморозки продолжали пинать уже бездыханное тело, плюясь и харкаясь в него, этого беззащитного, но отважного человека. Его потом хоронила вся школа с почестями, панихидами и запоздалой наградой – званием почётного учителя посмертно...

А Артёма вот уже около двух лет воспитывала только мама, Анастасия Григорьевна, женщина средних лет, очень скромная, невысокого роста.

Кто бы мог подумать, что её сын, Артём Жиганов, скромный и смазливый юноша, проводит интимную ночь с далеко не скромной нимфеткой... Оксана лежала на мягкой постели, мечтательно закрыв глаза, а Тёма продолжал ласкать девичье тело, осыпая его множеством поцелуев в первый раз в своей жизни. Они не заметили, как уснули.

За окном наступал рассвет.

Анастасия Григорьевна не ночевала дома, поскольку её попросили знакомые по соседней улице побыть сиделкой у их престарелой родственницы, парализованной старухи, а сами уехали по своим делам.

Оксана сама напросилась в гости к Артёму, ей скучно было сидеть дома с вечно ворчливой и склочной мамашей да почти всегда пьяным отчимом.

В школе, где учились Тёма и Оксана, посещал уроки ещё один герой – Олег Белоконь. Он был старше на год Артёма и выделялся крепким телосложением, мощными кулаками и агрессивным поведением. Когда-то, ещё в младших классах, он защищал робкого, не умеющего за себя постоять Тёмку Жиганова.

– Эй! Белый Конь! – пытались сначала дразнить Олега пацаны из школы. В несколько секунд Белоконь догонял дразнившего мальчугана и большим и сильным кулаком разбивал тому нос. Пацан с разбитым носом, громко плача, рвал когти, а несколько человек постарше

пытались свалить Олежку. Но не тут-то было! Белоконь умел драться и сильными ударами сбивал парней с ног. В страхе, с разбитыми рожами, пацаны удирали от отважного хлопца – а тот лишь свистел им вслед, обзывал их и матерился, как сапожник.

Однако дома Олега ждал разгневанный отец – здоровенный мужик, прямолинейный и немногословный. Наслушавшись жалоб от родителей побитых Олегом пацанов, выпив стакан водки, Лев Иванович Белоконь встречал сына недобро. Разговор был короткий. Удар – и белобрысый крепыш летит в противоположный угол, сильно разбивая лоб о стенку. Мужчина нравоучительно произносит:

– Прав ты, не прав, а лишние проблемы мне не нужны!

И выходил из комнаты.

Так прошли годы, и вот уже последний класс учёбы. Наказания отца не послужили уроком для Белоконя-младшего, он ещё больше закалился в школьных драках, взяв в мощный кулак всю школу. А Артём оставался таким же скромным и робким, но красивым и стройным брюнетом, в которого втюривались буквально все девки, но в рамках приличия на близкие отношения не решались. Только одна Оксана, которая была на год моложе Тёмы, пылала к нему жаркою страстью.

II

– А ну, марш домой! – кричала разгневанная мама Тёмы на Оксану, спящую с ним после бурной интимной ночи.

Испуганная девица, на ходу подобрав трусы и верхнюю одежду и наспех навьючивая её на себя, ретировалась из квартиры. Анастасия Григорьевна, дав звонкую затрещину полулежащему в постели отпрыску, не переставала возмущаться.

– Это надо же! – в сердцах сокрушалась она. – Подумать только! В шестнадцать-то лет! А если в подоле принесёт, что делать-то будешь, сына?

– Женюсь! – коротко бросил Артём.

– Женишься? Ох, сынок, не смей мою седую голову! – уже сменила тон мама. – Какая женитьба в такие годы?..

Женщина тяжело вздохнула. Она ещё никак не могла оправиться от горя, рано поседев из-за потери насмерть забитого супруга, доброго и очень порядочного человека, которого невозможно забыть.

Подонков тех нашли и сурово наказали, приговорив к длительным срокам, но разве вернёшь этим жизнь близкому и родному человеку?

В конце учебного года состоялась школьная дискотека. Взявшись за руки, счастливые Оксана и Артём спешили потанцевать и покуражиться в толпе школьной молодёжи. Все школьники, нарядно одетые, неслись в актовом зале, где всюду гремела современная музыка в мощных усилителях. Оксана была в модных джинсах и белой кофточке, ресницы подкрашены тушью, губы – ярко-красной помадой. Светлые волосы распущены и аккуратно расчёсаны. Артём был в красивом джемпере и чёрных брюках, с модельной стрижкой. Перед тем, как войти в здание школы, юные влюблённые зашли за угол и долго нежно целовались, заключив в объятия друг друга.

Пришёл на дискотеку и Олег Белоконь, одетый кое-как, да ещё и поддатый. Белобрысый сходу устроил драку в актовом зале, и мощный звук колонок смешался с мальчишеским криком и визгом девчонок. Подростки грязно ругались, всюду размахивая кулаками и пиная друг друга ногами. Пьяная драка Белоконя наглухо испортила праздничное веселье. Артёма толкнули в угол, он сильно ударился головой и упал. Оксана, громко визжа, бежала к двери.

И тут её схватил за рукав Белоконь. Дыша в лицо девушки неприятным запахом водки, Олег стал грубо помогать до девушки.

– Артём! – жалобно закричала Оксана.

– Чё тебе сдался этот маменькин сынок! – хрипло процедил Олег. – Пошли со мной! Его покойный папаша даже постоять за себя не мог.

– Как тебе не стыдно за свои слова, Олег? – неожиданно набравшись смелости, возмутилась девушка. Она вырвалась и что есть мочи ударила белобрысого по щеке.

Но Белоконь и не думал сдавать позиции. Здоровыми, не по годам взрослыми волосатыми руками он принялся грубо лапать Оксану, и та, чувствуя силу наглого нетрезвого парня, сдалась.

– Тёмыч! Там твою Оксанку белый конь уводит! – нагнулся к лежащему в углу Артёму один из его одноклассников с разбитой в драке губой.

Тёма попытался встать, и тут его качнуло, в глазах потемнело. Голова сильно кружилась и болела от сильного удара, но, набравшись сил, Артём шаткой походкой вышел на улицу. Белоконь, грубо взяв под руку Оксану и не торопясь, повёл её к себе домой.

– Отпусти её, это моя девушка! – чуть не плача, пролепетал Тёма.

– Отвали, маменькин сынок! – рявкнул Олежка. – Забыл, как я тебя отмазывал, когда тебя пацаны из старших классов лупили? Запомни, корефан, ты – мой должник. Так что твоя краля теперь моя!

– Как твоя? Ты что несёшь? – попытался закричать побледневший Артём. – Оксана, скажи ему!

– Артём! Иди домой! – вдруг сказала девушка. – Теперь я сама решаю, с кем мне гулять. Пара молча развернулась и зашагала вперёд.

– Нет! Стой!!! – сорвался на крик несчастный Артём, позабыв об ушибе головы и пытаясь нагнать белобрысого с Оксаной. – Оксик! Не бросай меня!

– Придурок! – презрительно скривилась девка.

– Слабак! – самодовольно улыбнулся Белоконь.

Только сейчас до Артёма начало доходить, что его предали. Что та девица, в которой он души не чаял и буквально все полгода тратил карманные деньги то на кино, то на кафе, то на подарки, – просто-напросто выбросила его из своей жизни. Она изменила ему, предала на глазах, растоптала его душу, разбила сердце.

– Ненавижу! Ненавижу тебя! – закричал несчастный подросток и упал без сознания на землю.

III

Пока отец работал в ночную смену, Олег решил оторваться по полной с отбитой у своего товарища подружкой. По дороге домой они зашли в магазин, где купили ещё водки, шоколадных конфет, бутылку шампанского. Дома Белоконь, быстро накрыв стол, выпил залпом ещё несколько стопок «горькой», а Оксане налил большой бокал шипучего пенного напитка, который с непривычки сразу ударил малолетней девке в голову.

– Раздевайся! – в приказном тоне, проведя девицу в свою комнату, рявкнул Белоконь. – Да не ломайся ты, как целка.

Он принялся снова грубо лапать девчонку, как бы помогая ей раздеться.

– Олежек, не надо... Ты пьяный уже. Я не хочу, – пыталась вырваться из больших цепких рук белобрысого захмелевшая Оксана.

– Чё ты сказала? – захрипел зло Белоконь. – Ты с этим маменькиным сынком сколько раз трахалась? Я что, хуже него?

– Нет, конечно. Но... – Оксана нехотя сняла кофту и джинсы.

– Снимай трусы! – скомандовал Олег, и, не дождавшись, сорвал их сам, повалив девушку к себе в постель.

В первый раз Оксане было так больно и противно в сексе. Белобрысый резко, безо всяких ласк и прелюдий всунул свой твёрдый, большой и толстый и, как танк, долго и упорно елозил по юному, почти детскому телу девушки, которая плакала и стонала от боли, пытаясь вырваться от тяжёлого, потного и неопрятного парня.

– Олег, не надо... пусти. Хватит! Больно!

И только вдоволь натешившись, белобрысый поднялся и пошёл в кухню за добавкой спиртного. Оксана со слезами допивала вино из бокала и быстро вырубилась, вконец захмелев. Белоконь допил бутылку водки, попробовал залезть на девушку ещё, но, будучи сильно пьян, ничего не смог. Наконец, и он отключился, едва не придавив Оксану своим потным телом.

– А ну, пошла отсюда, шлюха малолетняя! – рявкнул пришедший с работы утром Белоконь-старший.

Он, нисколько не стыдясь, схватил голую Оксану, как щенка, за волосы и прогнал взашей из квартиры, а следом выбросил её бельё.

Попытавшегося возразить сына он отделал так, что тот больше месяца ходил с распухшим хлебальником и огромными фингалами под глазами, почти ничего не видя вокруг.

Тёма пролежал с тяжёлой травмой в больнице около двух месяцев. Сильное сотрясение, ушиб головного мозга, гематома и тяжкие последствия привели к тому, что он не смог больше учиться. Несчастный пацан целыми днями проводил дома в сильнейшей депрессии, почти не ел и очень плохо спал. Когда ему на короткое время всё же удавалось заснуть, беднягу начинали преследовать кошмары. В полубредовых сновидениях ему виделось, как белобрысый насилует Оксану с особой жестокостью и остервенением. Девчонка вся извивается под ним, пытаясь вырваться из-под здорового мерина, надрывается от жутких криков и визга. Весь в холодном поту, Артём в ужасе вскакивает с кровати и заходится неистовым воплем:

– Отпусти её, сволочь! Не тр-р-рога-ай, гад!!! – Тёма хватает под руку попавшийся стул и в ярости метает им в сторону серванта. Осколки разбитого стекла и посуды вдребезги летят по всей комнате, испуганная Анастасия Григорьевна, проснувшись от громкого шума, бежит в комнату сына.

– Тёма! Сынок! Что с тобой! Ну, что ты, сына... Да было бы из-за кого! – она прижимает голову парня к своей груди, ласково гладит его волосы.

Но Артём вырывается из объятий матери и чуть ли не на весь дом орёт:

– Ненавижу!!! Убью вас, гады!!! Ненавижу, слышите!!! – обессиленный, он падает на пол. Мать с трудом поднимает его и укладывает обратно в койку.

Бедная учительница срывает уроки в школе, кое-как объясняя директору свои невыходы, и ищет пути спасения своего единственного любимого сыночка.

Оксана после грязного и до боли отвратительного секса с Олегом первый раз в жизни чувствовала себя как никогда униженной и никому не нужной. Внутри всё болело. А когда узнала, что по её вине произошло с бывшим возлюбленным, и вовсе замкнулась в себе. Пытаться наладить отношения с Артёмом было бессмысленно, а кого-то другого она в своей жизни больше не видела. У неё не было подруг, чтобы поделиться своей болью, сверстники её не любили, обходили стороной. Дома ей часто досаждали пьяные скандалистка-мамаша, толстая, до ужаса неприятная на лицо бестия, и импотент отчим.

Олега Белоконя призвали в армию. На проводах белобрысый раздурился так, устроив целое побоище, что вместо военной службы чуть не угодил в тюрьму. С огромным трудом отец, которому тоже досталось во время бойни, «отмазал» своего отпрыска. Дав солидную взятку ментам, Белоконь-старший влез в огромные долги, с которыми очень долго расплачивался, едва не лишившись жилья. Военкомат быстро перенаправил Олега в горячую точку, прямо на передовую.

Оксана поступила в училище осваивать профессию повара, но там вдруг «нарисовался» бывший её одноклассник, который сразу рассказал другим про «любовные романы» девушки. И без того не налаженные отношения с однокурсниками переросли во взаимную неприязнь, и Оксана сбежала с первого же курса. Она попыталась уехать и найти себя в первопрестольной, но и оттуда её с треском выпроводили домой, даже не вдаваясь в подробности. Лишь местные власти сжалились над девушкой, устроив Оксану рабочей по кухне в небольшой столовой, рядом со станцией. Хоть деньги свои стали, сыта и домой ещё наберёт. Там она и прижилась, быстро освоившись с профессией и научившись всему.

Артём долго лечился в психбольнице. Дома у него была попытка самоубийства. Парень, окончательно заиклившись на своих видениях, когда мать пошла за продуктами, перерезал в ванной комнате себе вены, повторяя, как заклинание, одну и ту же фразу:

– Ты будешь счастлива, Оксана...

Анастасия Григорьевна, почувствовав неладное, неожиданно вернулась.

– Тёма! Сынок! Открой. Мальчик мой! Сынонька! – истошно закричала она, барабанив в дверь ванной комнаты.

Из ванной в коридор вытекала вода, окрашенная алым цветом. Мать что есть силы рванула дверь за ручку обеими руками. Поток окровавленной воды хлынул ей под ноги.

– Тёма-а-а-а!..

...Внизу неслась вызванная карета скорой помощи, яростно выла сирена.

Прошло два года. Олега Белокопя комиссовали из армии по ранению. Под Хасавюртом отряд федералов успешно разгромил банду боевиков Ичкерии и уже пробирался к самим главарям в одно из селений. Но приказ госсекретаря по безопасности Александра Лебеда – прекратить боевые действия – прервал наступление. Старшина Белокопья, приняв командование ротой после убитого командира лейтенанта Якимова, с досады сильно напился и устроил беспорядочную стрельбу в чеченском ауле. Кто-то открыл ответный огонь, и старшину тяжело ранило. Олегу грозил военный трибунал и приличный срок за самовольную стрельбу по мирному населению. Однако по ряду причин, включая военные заслуги Олега и полученные ранения, военное начальство проявило гуманность, и парня списали в запас.

Оксана продолжала успешно трудиться в той же столовой, радуя родителей хорошей зарплатой и приносимыми домой продуктами. Её мамаша ещё больше расплелась и раздобрела. Отчим значительно меньше стал прикладываться к бутылке, прекратил скандалы, повеселел, помолодел, начал хорошо одеваться и ухаживать за собой.

Повзрослевшая девушка ещё больше похорошела, покупая себе дорогие вещи, сделав модную причёску в парикмахерской. Теперь она ходила на работу вся нарядная, накрашенная и ухоженная. Стройная фигура привлекала внимание многих парней даже из состоятельных семей. Но Оксана, которая не могла простить себе своего предательства по отношению к Артёму, не могла увлечься кем-то или завести роман, чувствуя вину за собой.

Несчастный Артём продолжал проходить длительное лечение в психбольнице. Анастасия Григорьевна постарела раньше времени, на лице появились морщины, ходила в поношенной одежде. Она стала молчаливой и необщительной с окружающими. Разговаривала только на свиданиях с сыном в психбольнице и с его лечащим врачом. Но доктор никаких утешительных прогнозов не давал, и женщина снова замыкалась в себе.

Оксана не находила себе места ни на работе, ни дома. Слезы ручьями лились из её глаз по ночам, когда она одна закрывалась в своей комнате. Родители были заняты собой и как будто не замечали её страданий. Совесть мучила, стоило только вспомнить или подумать об Артёме. Днём работоспособность сохранялась, а вечером уже ничего не хотелось, одолевала тоска и депрессия. Само собой, девушка отшивала в грубой форме очередного ухажёра, под

настроение начала покуривать и прикладываться к бутылке. Выпив немного вина, становилось легче.

Оксана вдруг захотела встретиться с Артёмом, даже понимая, что он не простит, всё равно броситься к нему в объятия, умолять, рыдать, вымалывать прощение, только бы быть рядом с любимым...

Она узнала от кого-то, что парень в очередной раз уже несколько месяцев лежит в психбольнице. Накупив гостинцев, девушка, не раздумывая, направилась прямо в лечебный корпус. Ключница второго мужского отделения, престарелая толстая мордовка встретила Оксану неласково.

– Барышня, вы к кому? – недовольно причмокивая нижней челюстью, спросила старуха в белом халате.

– К Артёму Жиганову, – уверенно ответила стройная симпатичная блондинка.

– А кем вы ему будете? – навязчиво и пытливо выпрашивала ключница.

– Сестра, ну, двоюродная я сестра ему, недавно приехала из другого города погостить у тети, то есть у его мамы, – начала завирать Оксана.

– Нет у него никаких сестёр! – категорично заявила недобрая бабка. – К нему только одна мать ходит, и то редко. Давайте уходите отседова, а то охрану вызову!

– Ну, дайте мне повидаться с парнем! – сорвалась на крик Оксана. – Хоть пять минут!

– Никаких пяти минут! – в тон завершала злая мордовка, – а ну вон отседова!

– Анна Ильинична! Повежливей, – раздался мягкий мужской голос из ординаторской.

Из дверей вышел молодой врач.

Высокий доктор, тактичный и вежливый, в красивых дорогих очках, пригласил девушку к себе в кабинет на беседу. Оксане стыдно было признаться психиатру, что Артём страдает из-за её предательства. Она лишь упрасивала врача, чтобы тот разрешил с ним увидеться хотя бы на несколько минут.

– Ну, зачем вам нужен этот несчастный молодой человек, – недоумевал психиатр. – У него хроническая форма параноидной шизофрении, которая очень трудно поддаётся лечению. Мы с Ильёй Борисовичем уже даже не надеемся на успех.

– А кто это – Илья Борисович? – спросила Оксана.

– Это заведующий нашим отделением по совместительству, а вообще он главный врач нашей психбольницы. Психиатров у нас, к сожалению, не хватает, – спокойно ответил молодой специалист.

– Но я Артёма так хочу увидеть... – заплакала девушка и достала из кошелька в сумке несколько денежных купюр, намереваясь задобрить врача.

– Не надо! – вдруг резко ответил молодой доктор, – уберите деньги! И вообще... У нас определённые дни и часы посещения. Только близкими родственниками. Табличку при входе видели?

– Ну, всего несколько минут! – не унималась Оксана.

– Хорошо, несколько минут, – уступил всё же врач и набрал номер местного телефона. – Жиганова из второй палаты попрошу ко мне.

Через минуту пожилой, но здоровенный санитар ввёл в ординаторскую худого, обритого наголо парнишку с вытянутыми вперёд руками и трясущимися ногами. От красивых и нежных глаз Артёма не осталось и следа, – лишь закатывающиеся бесцветные веки...

– Что с ним? – в ужасе отшатнулась Оксана.

– Что с ним? – повторил вопрос врач. – Болен! А это тремор от побочных действий лекарств. Скоро пройдёт. Я ему корректор увеличил.

Ничего не понимающая девушка только пожала плечами. Она надеялась увидеть всё того же смуглого, стройного и красивого парня, а сейчас перед ней стоял какой-то «овощ»...

– Артём, – обратилась она к больному. – Артём! Это я, Оксана. Ты помнишь меня?

Да, он помнил. Несмотря на тяжёлый недуг, усиливающийся с каждым днём, несмотря на то, что залечен большими дозами нейролептиков, как эти препараты называют в психиатрии, несмотря на тяжёлую душевную травму, причинённую предательством этой девушки. Он помнил всё.

– Ок-са-на... – простонал несчастный парень, – мне холодно...

– Всё! Не могу это видеть! – быстро проговорила крашенная блондинка, и, развернувшись, вышла из кабинета.

– Ок-са-на! – послышался ей вслед сдавленный стон больного. – Ты будешь счастлива, Оксана...

В палате Артёму стало ещё хуже. Ему вдруг представилась снова ужасающая картина: Белоконь вместе со своим папашей вдвоём насилуют его девушку. Оксана, заливаясь криком, изо всех сил пытается вырваться из чудовищных лап насильников, но те удерживают её, срывая одежду и трусы. Дикий пьяный хохот и рёв несчастной девушки опутал, как кошмар, затуманил глаза больному.

– Не-е-ет!!! Убью, гады!!! – Кричит Артём, бросаясь на стену.

Прибывшие в палату санитары вяжут его за руки, за ноги и под грудь крепкими специальными бинтами, затем заходят молодой врач и дежурная медсестра.

Эпилог

Холодная осень лишь добавила огорчений Оксане. Она попыталась ещё раз навестить в больнице Артёма. Мелькнула слабая надежда – а вдруг ему полегчало???

Однако на этот раз девушку врач не допустил на свидание, хотя она пришла в назначенный час посещения.

– Попрошу вас, мадам, больше к этому парню не приходите! – строго сказал психиатр. – Вы очень плохо на него влияете.

На обратной дороге Оксана столкнулась с нетрезвым Олегом Белоконем. Белобрысый недавно устроился охранником в сбербанк, а в этот день получил первую зарплату и погуливал на неё.

– Оксанка! – весело обратился он к блондинке. – Ты ли это?! А ну-ка, пойдём со мной! – Белоконь грубо взял девушку под локоть.

– Пусти! – вскрикнула Оксана. – Отпусти же, кричать буду. Помогите!!!

Она пыталась вырваться, но Белоконь только расхохотался. Прохожих на улице было мало, но и те предпочитали быстрее убраться восвояси, нежели связываться со здоровенным детиной с пудовыми кулачищами.

Подчиняясь воле физически сильного парня, девушка перешагнула порог его квартиры. Отец Олега уже не работал на руководящей должности, а гребешил где-то у частника, в конце посёлка. Дома его не было, и Белоконь-младший беспрепятственно толкнул блондинку в свою спальню.

– Раздевайся! – рявкнул белобрысый.

Затем достал из бара бутылку коньяка, разлил спиртное в стопки и тоже разделся до трусов. Оксана, голая, вся дрожала перед ним. Дождавшись, когда девушка выпила, он повалил её к себе на постель. Еле преодолевая отвращение и едва сдерживая слёзы, Оксана покорно лежала под тяжёлой массой елозившего над ней потного и вонючего тела.

Насытившись, Олег вытолкнул девку из дома. Больше она его не интересовала.

...Через некоторое время Оксана узнала, что беременна. Узнали об этом и её родители. Она не стала скрывать и всё рассказала своей матери и отчиму, как было.

Разгневанные родители девушки ломались в квартиру, где жил Олег. Дверь им открыл Белоконь-старший. Первым делом амбал попытался взащей выкинуть непрошенных гостей, но те пригрозили заявить на его сына об изнасиловании их дочери в милицию, и мужик сдался...

– Теперь сам думай, что будешь делать, – сказал Белоконь-старший Олегу, – я тебе в этом деле не советчик.

Нехотя поплёлся белобрысый к родителям Оксаны просить руки их дочери. После долгой ругани и упрёков те, наконец, согласились поженить молодых, дабы не выносить сор из избы.

Перед свадьбой Оксана долго рыдала, запершись у себя в комнате. Но беременность подходила к концу, а ребёнку всегда нужен отец, да и выбора больше у неё не было.

За день до свадьбы Олега и Оксаны Анастасия Григорьевна забрала Артёма из психбольницы домой в лечебный отпуск. О свадьбе он, конечно, узнал случайно, на улице, и побежал туда, где всюю шла гулянка.

...Накрытый стол дома у Оксаны, немногочисленные гости, бутылки, в основном с водкой, пьяные и весёлые родители молодых... а вот и сами молодые – белобрысый жених в сером костюме и белой рубашке с галстуком и опухшей от водки харей, и невеста – беременная на последнем месяце, грустно улыбающаяся гостям и родным.

Вдруг перед ней возник силуэт Артёма с такими же печальными глазами, как у неё.

– Ты будешь счастлива, Оксана!.. Ты будешь всегда счастлива, – сказал исковерканный болезнью паренёк и удалился.

А в квартире на всю мощь гремела музыка, орали песни пьяные гости, уткнулся носом в тарелку вырубившийся новоиспечённый супруг.

Артём брёл по улицам посёлка, словно прощаясь с ним. В голове было пусто, ни о чём не думалось, а в душе где-то пряталась последняя искорка любовных чувств к той девушке, которая не с ним, которая теперь удалялась от него всё дальше и дальше... Тёма подошёл к железнодорожному полотну и, присев на рельсе, закрыл глаза. К станции на большой скорости мчался пассажирский экспресс.

– Ты будешь счастлива, Оксана... – в последний раз успел прошептать Артём.

Оглянувшись назад (из личных воспоминаний)

В наблюдальке нашей владимирской психушки зажгли ночной свет. Уже два часа как пришла дежурная смена, и я глазом не успел моргнуть – под широкий бинт замотали Саню Камайкина.

– Фашисты! – процедил сквозь зубы седоволосый пожилой больной.

Медсестра куда-то ушла, оставив в надзорке на двадцать пять шконок здорового качка-санитара и его помощника-принудчика, попивающего с ним чифирь. Они сидели на жёстком диванчике у входа в наблюдальку.

Медсестра вернулась с дежурным врачом из четвёртого женского отделения, длинноногой молодухой Суровой И. Е.

Сурову я знал по двум своим предыдущим попаданиям в неполные шестнадцать и семнадцать лет. Тогда она ещё была практикующим врачом и стажировалась в нашем первом, мужском отделении у Ароныча и зав. отделением Юдина В. М., светловолого мужчины, около сорока лет, немногословного и какого-то нудного. Ароныч, примерно того же возраста, умнейший, с красивой, чёрной, как смоль, бородой, не гнушался высказать своему больничному пациенту всё, что о нём думает прямо в глаза. Этот еврей был человеком слова. Скажет – как топором отрубит. И так и сделает, как скажет. Скажет – сульфозин курсом – значит, так и будет. Всё, до последнего укола. И никакой жалости. Ко всем жалобам, просьбам и стонам от дикой, невыносимой боли Ароныч слеп и глух. Скажет – сульфозин по схеме, – значит, медсестра будет строго соблюдать схему, установленную Аронычем. Скажет – серу в четыре точки (то есть сульфозиновый крест) – то же самое. Ну, а то, что бедолага может не выдержать и в нечеловеческих мучениях Богу душу отдать – это дело поправимое. Списать под какой-либо диагноз и убедить в этом родственников больного – дело нехитрое.

Система давно отлажена. Она многое скроет, чего другим не нужно. И прикроет кого надо. По судам тут никого из медперсонала не затаскают – будь спок!

Вадик Юдин, наш заведующий, немногим от Ароныча отличался. Он заходил поутрене в наблюдальку, с минуту смотрел на очередного привязанного, как бы оценивающе, потом быстро принимал решение. Если считал необходимым, подключал терапевта, хирурга, сам пытался реанимировать тяжёлых.

Сурова училась у обоих садистов, покойный Витёк Матвеев рассказывал мне, сколько она ему назначала серы. Но мне как-то тогда не верилось...

И вот она, топ-модель, молодая красавица стоит возле перемотанного широким бинтом Камайкина и так же спокойно, как и Вадим Михайлович, смотрит как бы «оценивающим» взглядом.

– Значит, фашисты? – переспрашивает вдруг она.

Саня не отвечает, даже не повернув в её сторону голову.

– Давайте тогда вот что, – говорит уже медсестре Сурова. – Двадцать миллиграммов седуксена внутривенно. Если не уснёт, тогда ещё аминазин сделаете.

Сурова уходит, через некоторое время появляется дежурная медсестра со шприцом в руке. Она делает седому укол в вену. Через некоторое время Саня уходит от него в забытьё. Рядом с ним лежит, тоже привязанный к шконке, Саша Цыбанов. Он громко стонет от инъекций сульфозина и тизерцина.

– Ой, мама... Мама!

Мне жаль его, но я ничем не могу ему помочь.

Утром, с разрешения дежурившей добродушной санитарки, я иду в туалет, а заодно и покурить. Курилка, соединённая с туалетом – маленькая комнатка с двумя, напротив друг друга, длинными лавочками. На них рассаживаются по четыре человека. Кто-то встаёт у заре-

печенного окна, кому не хватает места в курилке – курит в туалете. Иные курят, сидя на толчках, одновременно справляя тяжелую¹ нужду. Всё говно смывается автоматически.

Мне достаётся место в курилке. Народу в туалете немного, многие ещё спят с тяжёлых нейролептиков. Я прикуриваю у больного от папиросы. Спички мало кто имеет: через каждые два дня, а то и чаще – шмоны. Я не успеваю выкурить и половину, как у меня просит оставить ему покурить седой хроник.

– Совесть поимей! У пацана просишь, – укоризненно говорит ему дядька помоложе, совсем не похожий на психбольного.

Тут много таких «непохожих». Или я, будучи ещё юным и незрелым, отличать не могу мух от котлет... Едва я возвращаюсь в палату, как дежурная смена кричит:

– Завтрак, подъем!

Вот те раз! А я анализы ещё не сдал...

Сажусь за длинный стол, со всеми остальными. Накрывальщики раскладывают слабенький чаёк и небольшие порции манной каши. Тут же появляются на большой тарелке кусочки батончика с маленьким квадратиком сливочного масла, которые моментально расхватывают ещё сонные обитатели наблюдательной палаты номер один.

Позавтракав, я кормлю с ложки привязанного Саню Цыбана. Он благодарно кивает мне, просит попить чаю. Я подношу к его губам маленькую металлическую кружку.

– Спасибо, пацан! – говорит он.

После завтрака выполняются врачебные назначения. Таблетки выдаются во время еды, а после – уколы. Меня вызывают в процедурный кабинет. Там уже две молодые медсестры всю колют болючими уколами пациентов нашей палаты.

Раньше аминазин разбавляли половиной ампулы раствора новокаина, чтобы не так было больно. Тем более бьюксы в то время были стеклянные, иглы туповатые. Многим больным приходящий в отделение хирург вырезал абсцессы на ягодицах, если не помогал парафин. Я стою со спущенными штанами больничной пижамы и семейными трусами, медсестра шлёпает по ягодице, вводит назначенную дозу. Кто-то даже подпрыгивает от боли.

Медсестра недовольно отпускает неприятную фразу, после чего уходит с металлической коробкой бьюксов, наполненных инъекциями, в наблюдательную палату – колоть привязанных, другая остаётся в процедурном кабинете.

Я захожу после укола в туалет и закуриваю. Голова кружится от укола, задница болит, невозможно сидеть в курилке. По возвращении в палату нарываюсь на ругань медички.

– Ну-ка, ложись, а то на вязках окажешься! После аминазина разве можно ходить? Упасть хочешь?!

Спорить бесполезно, и я со стоном медленно опускаюсь на шконку.

– Падлы поганые! Садисты проклятые! – ругаю я про себя и психиатров, и медсестёр. – Вас бы так поколоть! Сперва на себе испытайте.

Я не такой идиот, чтобы произносить это вслух. Рядом лежит наглухо завёрнутый Юра Двуглов. Все его ноги и тело покрыты ужасными ожогами от сигарет. Двуглавый тушил их сам о себя. Он глупо улыбается, потирая, как маленький, руку об руку.

Во второй палате лежит его родной брат, Вадик. Высокий, худой, как спичка, парень. Он не был таким слабоумным, как Юрка, как раз наоборот, весьма симпатичный и активный. Вадим охотно играл в шахматы, домино и шашки, хорошо соображал в игре. Иногда он зачумлялся, и его заводили в наблюдальку.

– Трахать хочу! – орал привязанный Вадик.

– Фашисты, блин, фашисты! Вторая мировая! – вторил ему Юра.

¹ У многих больных от приёма нейролептиков и антидепрессантов возникают побочные явления в виде сильных запоров.

Их обоих больше нет. Юрка помер в 1991-м году, в «знаменитой» Содышке. Вадим в 2002-м, причина его смерти мне неизвестна. Похоронены отдельно друг от друга.

Скоро обход, меня сегодня должны вывести из наблюдательной палаты. В нашем отделении самая большая наблюдалка во всей психушке – на двадцать пять шконок! Как-то раз я поступил, и все, кто находился в надзорке, были на вязках, некоторые замотаны и под широкий. Привязали за руки до кучи и меня. Через час прибежал Юдин, зав. Отделением, и велел одну руку мне развязать. Вечером отвязали и вторую. Так мне, лишь одному из всей палаты, несказанно повезло. Вот тогда мы и познакомились с Шурочкой (Александрой Ивановной), молодой и весёлой медсестрой. Однако Шурочка была звездой далеко не для всех. Во второй, инсулиновой палате стажировалась на инсулинотерапии другая молоденькая темноволосая Александра Ивановна, ныне старшая медсестра третьего отделения нашей ВОПБ №1. Изредка я на них обеих втихаря онанировал. Что ещё можно позволить себе в психушке?.. Вечерами, в курилке, вовсю гоняли кружку с чифирём завсегдатаи и блатные авторитеты нашего отделения. Это были мужики тридцати-пятидесяти лет, за плечами некоторых из них были тюремные сроки, так сказать, бывшие заключённые, кто-то побывал в знаменитой специализированной психбольнице строгого режима с интенсивным наблюдением Сычёвке, в Смоленской области. До сих пор эта психушка наделена дурной славой, выживать в её условиях очень трудно.

Были там покойный Саша Цыбанов, и Юра Баженов, тощий молодой мужик, похожий лицом на образ Иисуса Христа, только в отличие от него со злыми, колючими глазами, как у хищника. Баженов дважды умудрялся проносить с собой нож, потом внезапно доставал его и принимался шантажировать врачей нашего отделения. Надо отдать должное Юдину – заведующий в подобных случаях вёл себя очень смело и рискованно.

– Брось нож! – кричал Баженову заведующий отделением.

– Выписывай меня, у меня нет в этот раз принудки, – извивался с ножом в руке Юрий. – А то перережу себе горло! Мне терять нечего.

Вадим Михайлович соглашался на все условия этого больного, но едва тот бросал нож, чуть не попав во врача, как Юдин делал вероломный трюк. Буяна скручивали, и кроме основных вязок, заматывали под широкий бинт.

Но мне было на него плевать. Я жду обхода.

По коридору идёт толстый мужичок среднего роста и охрипшим визжащим голосом выкрикивает по списку на свиданку фамилии больных. Этот белобрысый хряк мне ещё надолго запомнится. Бабушка придёт только к концу свиданки. Что она принесёт мне? Да ничего особенного... жареной картошки, небольшой кусок курицы или порезанные кусочки студня, купленные в кулинарии от кафе «Лакомка». Сама она уже давно его не готовит. Да и с продуктами питания теперь напряг – Горбачёв своей перестройкой начал гадить простому народу до одурения и разорения. Уже взвинтили цены на водку, краснуху если и выбросят, то километровые очереди, давки, ругань, драки... Штучные отделы и магазины, в которых продавали спиртное, открывались теперь с двух часов, а в выходные работали всего три часа. Мясо, колбасу и сало пока что можно было купить на рынке, но по дорогим ценам. На весь город работали всего несколько столовых и кафе. Постепенно начали исчезать с витрин магазинов разные сладости. Бабушке с матерью совершенно нечего было принести мне, кроме как поесть и покурить. Мать получала на своей работе всего восемьдесят пять рублей в месяц, бабушка – шестьдесят рублей пенсии. Отец перестал присылать алименты, когда мне исполнилось шестнадцать лет. На материн запрос из Кыргызстана ответили, что мой папаша выплачивает алименты второй семье. Это была наглая ложь. Но это я понял только спустя много лет. Я получал в то время пятьдесят рублей по второй группе инвалидности. Брата со второго класса определили в школу-интернат.

Наконец, меня вызывают на свиданку. Свидания с родственниками разрешены три раза в неделю и проходят в столовой. Столы все уже давно заняты, но бабушку, как старого человека, пропускают, освобождая ей место. Находят место и для меня. В отделении таких, как я, мало-

леток, почти нет, разве что призывники и хроник Вадим Орлов. С недавних пор стал поступать и Ромик Макаров, совсем ещё пацан, на три года моложе меня. Ромка был слабоумным, хулиганистым мальчишкой с генерализованными, мощнейшими приступами эпилепсии. Беднягу било до посинения целыми сериями припадков, затем он впадал в беспамятство, погружаясь в глубокий сон. Дружеские отношения у меня с ним обычно держались недолго, далее происходила вражда непонятно из-за чего...

К Роме тоже пришла на свиданку бабушка, немного помоложе моей.

Я с удовольствием уплетаю принесённую бабушкой картошку, похрустывая солёным огурцом и пластовой капустой. По столовой начинают ходить попрошайки, но дежурная медсестра грубо выталкивает их.

Меня выписывают из стационара, но через некоторое время я залетаю снова. Врачи и больные несколько удивлены, что я так часто попадаю. Всё, сульфозин мне обеспечен. Так и есть. Уже на следующий день меня вызывают в процедурный кабинет. На плите греется пузырёк с серой. Через несколько минут медсестра набирает масляную жидкость в шприц и делает мне в ягодицу укол. Примерно через шесть-восемь часов он начнёт действовать...

Ужасная боль не только в заднице, но и по всей ноге не даёт уснуть. Напрасно я на ночь просил у дежурной медсестры сотку аминазина. Та дала лишь то, что прописал молодой психиатр Коростылёв. А назначил он пятьдесят миллиграммов соннапакса, как и в прошлый раз. То есть в лечении ничего не изменил. Без конца хотелось пить и ссать. Мучаясь от невыносимой боли, сильно хромя, я выхожу из палаты, чтобы справить нужду и напиться из-под крана.

– Серу, что ли сделали? – спрашивают у меня в курилке, когда я, с трудом усевшись, достаю сигарету.

– Да, – отвечаю я, прикурив у мужика.

– Хреново... – сочувствуют мне.

В курилку входит раздражённый и агрессивный Серёга Рыбьев. Он жил со мной на одной улице, его сын ходил с моим братом в один детский сад, затем в одну школу.

Сергей был примерным семьянином, хорошо пел, аккомпанируя гитарой. «Башню» снесло в один момент. Сломя голову, молодой, красивый мужчина помчался в первопрестольную, не зная, зачем и почему. Жена вскоре от него отказалась, забрав сына с собой, а Серёга стал жить со своими родителями.

– Сколько тебе сделали кубов? – зло спросил у меня он.

– Два, – ответил я.

– Два кубика? – ехидно переспросил Рыбьев, – и ты плачешь?

– Я не плачу, – пытался с достоинством ответить я ему, но, медленно приподымаясь, застонал.

– Выёбывается, гляньте на него! С каких-то двух кубиков! – кричал на весь сортир Сергей, ещё больше распаясь. – Да мне и шесть, и восемь делали! А этот с двух кубов изнылся!

Я, с трудом открыв дверь, переступил в больничный коридор. Рыбьев с размаху хлопнул дверью, чуть не ударив ею меня.

– Выёбывается с двух кубиков! – не унимался он. – А если бы тебе под лопатки сделали, или, как на спецу, в четыре точки?

Я был в ужасе от сказанного им. Проклятый дурдом! Век бы не попадать. И каждый раз, зарекаясь, попадаю снова...

Едва я дошёл до палаты и кое-как лёг на шконку – потянуло опять в туалет.

– Боже мой! Какой кошмар! Проклятый айболит! Пидорас очкастый! – ругал я своего врача. – А уж мамаше какую лапшу он про этот адский укол навешал! Мол, даже от курева помогает! И та поверила...

Серёгу я простил. Его закололи галоперидолом, после чего мужика сковало так, что он ходил, выставив вперёд руки. Агрессия прошла. Рыбьев стал совершенно спокойным и добрым.

В наше отделение поступил Стас Баканов, было ему тогда сорок семь лет. Первый раз он попал в психушку в восемнадцать лет. Станислав всегда захватывал с собой гитару, и, как только его выводили из наблюдалки, просил медсестру, чтобы ему выдали музыкальный инструмент.

– Только недолго, – говорила дежурная медичка.

– Ладно! – сверкал в ответ золотой фиксой Баканов и, настроив гитару, начинал петь под её весёлый звон. Я старался внимательно слушать этого дядьку.

– *У вас, у проституток, пизды все изорваны, / А вместо юбок дырявые мешки...* – пел Стас хулиганскую песню.

Закончив песню, он улыбался мне, сверкая золотой фиксой. Но пел он и хорошие, задушевные песни – про рыбака Тимофея, про девушку из таверны и многие другие. Подбирал на гитаре мелодию из кинофильма «Генералы песчаных карьеров», потом передавал инструмент Витьке Матвееву, такому же блатарю, и уходил спать в палату. Витёк с радостью брал гитару и на всю курилку горланил, звеня струнами:

*Мурка! ты мой мурёночек!
Мурка! ты мой котёночек!
Ты зашухерила всю нашу малину,
А теперь перо в грудь получиай!*

Я с радостью делился с Витей передачками и куревом, он был добр ко мне. Ведь к нему никто не приходил. Потом вывели из наблюдалки Саню Цыбанова, он тоже попросил на свиданке свою маму, чтобы ему принесли баян.

Время шло к праздникам...

В праздничные дни к нам приводили девушек на час с концертом. А также приходила группа участниц из промкомбината. В этой группе был всего один мужчина – завсегдаятай нашего отделения Серёга Лукин. Подонок ещё тот. Но пел великолепно. Это, пожалуй, была в нём единственная хорошая черта – насколько здорово он мог исполнять эстрадные или русские народные песни. Девушек приводили из четвёртого отделения. Около сорока минут они давали концерт, остальные двадцать выделяли желающим познакомиться и пообщаться с ними. Кто-то делился с ними своим куревом, кто-то умудрялся дать что-то из своей передачки – конфету, печенье, кусок колбасы.

Девушки очень хорошо пели, поднимая настроение мужчинам. Наши авторитетные люди – Саня Цыбанов, Серёга Брычкин, Витя Матвеев и другие – по-доброму и с нежностью относились к больным женщинам. Опошлил всё глупый старик Богомолов, выкрикнув девкам что-то нелицеприятное. За это его хотели побить вечером в туалете, где он, стоя у толчка подолгу, не мог сходить по малой нужде.

Перед обедом дала концерт и группа из ЛТМ. Надо было отдать должное и им. Лукин солировал под баян, на котором аккомпанировала красивая женщина, лет сорока, женская группа хорошо подпевала.

Утром мне так и не удалось познакомиться с девушками из четвёрки, зато перед обедом я вдоволь наобщался с промкомбинатовскими.

Через две недели, на восьмое марта, хорошо подготовилась и наша мужская группа. Цыбан взял баян, Витёк Матвеев – гитару, собралось ещё несколько человек. Среди них – Вася Маркелов, красивый мужчина с аккуратно ухоженными бакенбардами, которому было на тот момент лет тридцать пять – тридцать шесть, не больше. Кто бы мог подумать, что лет через

двадцать, когда Васи уже не будет в живых – я заведу роман с его родной племянницей, Оксаной Маркеловой!

Мужская группа удачно сходила в женскую четвёрку, их концерт длился два часа, Вася хорошо спел там песню «Девушка с оленьими глазами», которая пробила зрительниц до слёз. Мужчины вдоволь наобщались с женщинами, потанцевали, пообнимались, поцеловались на прощанье. Уходя, Цыбан передал им пачку сигарет.

После праздников меня выписывают, но одна за другой меня преследуют ужасные новости. Почти сразу после выписки отморозки зарезали ночью спящих Витю Матвеева и его женщину, у него же дома. Написав три письма матери, другу Гере Чуприну, и с просьбой не винить шофёра, на чёртовом мосту бросился под КРАЗ Саша Цыбанов. Тяжёлой автомашиной раздавило беднягу так, что с трудом удалось его опознать. Саню упаковали в целлофановый мешок и похоронили в закрытом гробу. По дороге в спецпсихбольницу умер Юра Моисеев. Ещё перед праздниками он неожиданно «наехал» на дежурную медсестру Валентину Михайловну, которая раздавала таблеточки больным на ночь. Она протянула Юре драже сонапакса, сопровождавший её больной подал ему налитую в пластмассовую мензурку воду. Моисеев, будучи на принудке за убийство отца, что-то резко ответил медсестре, демонстративно выплеснув из мензурки воду и отшвырнув лекарство в сторону. Разбуянившегося Юрия пытались словесно утихомирить другие больные, но тот ещё больше распаялся. Позвали мужиков из соседнего отделения во главе с Витькой Сазоновым.

Вооружившись шваброй, Моисеев, прижавшись к стене, крикнул:

– Витька, уходи, убью! Уводи мужиков.

Сазонов немного отступил, но потом дружно, они всей оравой набросились на Юрия, вырвав у того швабру. Мужчине заломили руки, согнув его в бараний рог, повели в наблюдальку, на заранее приготовленную шконку. Привязав буйного обычными бинтами, обмотали и широким. После праздников Юрия развязали, но он, с искажённой от боли grimасой, еле ходил. Моисееву кололи сульфозин в больших дозах. Перед тем, как меня выписали, я увидел, как в наблюдальку влетели все три врача нашего отделения, в том числе и заведующий Вадим Юдин. Он срочно приказал реанимировать Моисеева, поскольку у того было плохо с сердцем. После выписки я узнал, что Юрке на дорогу сделали ещё девять кубов сульфозина, Ароньч даже не посчитался с мнением заведующего, жестоко мстя за оскорбление медперсонала отделения.

Я ненавидел и боялся этого сорокалетнего красавца в белом халате с чёрными, как смоль, волосами и аккуратной бородой. Он больше был похож не на еврея, каким был по национальности, а на моджахеда, не знавшего ни жалости, ни сострадания...

Я хожу по кладбищу, находя десятки своих знакомых по психбольнице. Вот Слава Косачёв, заядлый чифирист и большой любитель «колёс». При всём при этом он ни разу меня не обидел. Я не знаю, от чего он ушёл... Вот мой старый друг Саша Кабунин. Как-то умудрился при всех своих недугах до шестидесяти пяти лет прожить. Аккуратно втыкаю искусственный цветочек в его могилку. Вовка Болтунов, Женя Костина, Юрка и Вадим Двугловы, Виталий Шпагилев... Все из нашей психушки, а сколько ещё не найдено...

Прости их, Господи, и упокой их души!

Мне грех сейчас жаловаться на жизнь, всё это в прошлом. Но я вздрагиваю от очередного кошмарного сна, рядом посапывает, как ребёнок, моя вторая жена.

– Спи, любимая! Не для тебя эти кошмары.

Милой, любимой и родной

Я хожу в очередной раз по рынку, чтоб достать тебе заветный букет ярких хризантем.

– Нет, хризантем, пожалуй, не надо... Вон те, пожалуйста, розовые розы! – говорю я молодой, темноволосой продавщице, совсем ещё девочке, лет двадцати.

Набираю большой букет, прошу девушку подобрать упаковку и связать алой ленточкой с красивыми блёстками. Вот это настоящий сюрприз моей любимой! Вот милая обрадуется! С ума сойдёт от счастья!

Я захожу в отдел **ВИННЫЙ МИР** и беру несколько бутылок **ЦИМЛЯНСКОГО**. А теперь моей возлюбленной сладенького! В кондитерских лавках полно народу. И немудрено. Многие, несмотря на нехватку денег, хотят потешить себя и своих чад хоть самыми дешёвыми карамельками и печеньем. Я покупаю бисквитно-сливочный торт, шоколадные конфеты подороже и круглое творожное печенье.

– Ишь, затарился! – зло шипит полунищая старуха с противной физиономией и костлявым подбородком.

– Денег, что ли, много? – вторит ей, ухмыляясь, конопатый мужик, лет на двадцать постарше меня.

Я окидываю их презрительным взглядом и ухожу от греха подальше. Завидно им. Старуха всю жизнь над копеечкой трясётся. А мужик пропился весь до нитки, ему уже давно никто не даёт в долг, знают, что не отдаст. Ворует, гад, по ночам, ментов на него нет. И как жена такого терпит? Если она ещё у него есть...

Долго размышлять мне не приходится, надо ещё захватить мне сервелатика и хорошего свежего сыра для нарезки. Эх, гулять так гулять!

Порядок! В одной руке – большой букет красивых цветов, в другой – сумка с продуктами, – праздник заказан!

Можно бы сводить любимую в какой-нибудь недорогой ресторан, но лучше всё-таки дома, в спокойной интимной обстановке.

Мимо проходят девушки, весело смеются. Я опять повеселел, стараясь забыть неприятный, завистливый базар никчёмных и примитивных людей. В конце концов, дома ждёт виновница торжества, и я просто обязан порадовать её душу! Ах, моя милая, дорогая, единственная! Была бы такая возможность, и я подкинул бы тебя на седьмое небо! С этими фантастическими мыслями я поворачиваю к остановке. А вот и мой рогатый²!

Войдя в салон, не спеша показываю проездной билет кондукторше и присаживаюсь на дальнее место. Не люблю сидеть на передних. Слышать бабские укоры о неуступчивости мест и т.д. и т.п. Пусть им пионеры уступают! А я буду эгоистом.

Войдя в подъезд, не спеша поднимаюсь на второй этаж, открываю дверь тамбура, затем дверь своей квартиры.

Милая спит как ребёнок, подложив под голову руку.

Я смотрю на неё искренним, добродушным взглядом.

Любимая просыпается и вскакивает от радости, увидев огромный букет пылающих роз.

Открыв дверь в ванную комнату, я наливаю воду, разбавляя ароматной пеной. Бережно и аккуратно беру любимую на руки и погружаю в налитую тёплой водой ванну. Она продолжает повизгивать от восторга, не сдерживая эмоций. Как малого ребёнка я купаю её, а затем посыпаю лепестками из букета.

Из ванны так же на руках уношу родную на кровать, затем начинаю хлопотать на кухне.

² Рогатый (просторечье) – троллейбус.

Сыр и колбаска аккуратно порезаны, торт и конфеты разложены в специальной посуде. Погружаю всё на сервировочный столик на колёсиках, пузырёк ЦИМЛЯНСКОГО ставлю в центр. Всё это подвожу к кровати любимой.

– Мой пушистик, мой сладкий! Иди ко мне, – восторженно зазывает она меня, протягивая руки, затем обвивает ими мою шею и притягивает к себе. Наши губы сливаются в долгом блаженствующем поцелуе, сладком-пресладком, словно вересковый мёд. В порыве страсти мы забываем про праздничный ужин, я снимаю одежду. Наши тела погружаются в пучины интимного рая. Ласки и поцелуи – до бесконечности.

Мы будем с тобой навечно, любимая! Вместе, навсегда, с тобой вдвоём!..

Заберите Васю!

Менты приехали за Васькой посреди ночи, их вызвала по телефону умудрившаяся выскочить на улицу тёща. Только недавно внагляк осмелевший дебошир похвалялся, что сейчас «зарубит топором всех – и жену, и детей, и тёщу, и весь наряд милиции, пусть попробуют только сунуться». Избитые в кровь молодая жена Райка Костомарова и двое детей Ванька с Анькой трясясь, жались в угол. Девятилетняя Аня плакала навзрыд, подвыпивший папаша рассёк губу, разорвал платье. Ещё меньше повезло Раисе: всё лицо было разбито ударами кулаков, под глазами выступили синяки, из носа текла кровь. У двенадцатилетнего Ивана была вывихнута рука и выбиты два зуба. Мальчик громко стонал от невыносимой боли.

Костомаров стоял и нагло улыбался, пребывая в пьяной эйфории.

– Ребята! А давайте выпьем! – Василий потянулся к полуразваленному столу за очередной бутылкой водки.

– Отставить! Стоять на месте! Руки за голову! – скомандовал сержант.

– А не пошёл бы ты на хуй! – гаркнул вконец оборзевший Костомаров и замахнулся на мента подвернувшимся под руку табуретом.

Накачанный и физически крепкий сержант милиции, ловко увернувшись от удара, свалил Ваську с ног и дал ему под рёбра. Дебошир охнул, согнулся пополам и, обессиленный, распластался на полу.

– Не трогайте батю! – вдруг вмешался мальчишка – бабушкины нравоучения любить своих родителей, какие они есть, не прошли даром.

Но менты Ваньку не слушали. Ловко скрутив Костомарова-старшего и защёлкнув ему на запястьях наручники, вывели пьянчугу из дома. Затем усадили в милицейский ГАЗик и увели в «обезьянник».

Раиса молча оделась и вышла следом за матерью. Садист сегодня вдоволь покуражился: жестоко изнасиловал жену, а потом избил её и детей. Пытавшуюся заступиться тёщу отшвырнул в угол, та поднялась и, с трудом дотянувшись до входной двери, выползла на улицу. На счастье, телефонный автомат находился поблизости. Пожилая женщина набрала номер милиции.

Раиса повела домой под руку свою мать, которая, тяжело дыша, с трудом поднималась по ступенькам. На улице было прохладно и сыро. В соседских окнах зажёгся свет, теперь Турамбековы по всему дому разнесут про Васькины подвиги... У Костомаровой болело всё внутри, муж-садист наиздевался над незащитной, молодой женщиной как хотел. Откуда у Васьки такая мощь в эрекции?.. У пьяниц обычно на нуле, а этому всё мало!

Помимо своей жены, Васька отрывался на леваче. Минимум с десятков блядей, от тридцати до сорока пяти лет, предавались с этим невзрачным, далеко не симпатичным мужичонкой любовными утехами. Что влекло этих женщин к беспорядочному пьянице, домашнему хулигану и развратнику? Да разве разберёшь...

Зато свою жену Василий ревновал к каждому столбу. Стоит только ей перекинуться парой фраз со знакомыми по работе мужиками в присутствии мужа, как вечером начинались разборки. Костомаров бил свою супругу по лицу кулаками и ногами, попадало и детям, пытавшимся заступиться за мать.

Раиса вкалывала на двух работах. Ради внуков отдавала всю свою пенсию её пожилая мать. Лишь Васька уже несколько лет нигде официально не был трудоустроен, перебивался случайными заработками, нередко выносил вещи из дома, пропивая их.

Когда у семьи начинались проблемы с деньгами, Костомаров-старший, нисколько не заботясь о своих домашних, уходил к очередной лярве, чтобы пожить за её счёт, а заодно удовлетворить ненасытную похоть.

Небезгрешна в этом плане была и Раиса. Ребятишек надо было как-то кормить и одевать, поэтому женщина после тяжёлой работы частенько звонила по одному из знакомых номеров. Наскоро уложив детей спать, Рая спускалась вниз к подъезду и садилась в ожидавшую её машину. Мама её в это время стояла на коленях перед иконами и тихо молилась.

– Ты всё равно должен любить своих родителей, какими бы они ни были! – внушала бабушка своему внуку, когда он, не выспавшийся из-за очередного семейного скандала, нахмурившись, собирался в школу.

– Я убью его! – повторял мальчишка про себя, но, приходя с занятий, тут же забывал все обиды.

Гораздо тяжелей приходилось Аньке. В школе её не любили, дразнили и издевались, как хотели, а учителя выставляли «гадким утёнком», даже не заступаясь за бедную девочку. Однажды её пытались изнасиловать старшеклассники, но им помешал дворник Семён. Тот пригрозил вызвать милицию, и подростки бросились в рассыпную.

Единственным заступником у Ани был Иван. Он нещадно бил Анькиных обидчиков. Те и пожаловаться боялись, зная, что будут сами наказаны.

– Фамилия, имя, отчество? – грубо спросил капитан милиции домашнего дебошира и тунеядца, записывая его показания в протокол.

– Костомаров Василий Алексеевич, – ответил пьянчуга.

– Дата и год рождения? – рявкнул мент.

– Чего? – Васька сделал вид, что не понял.

– Сколько лет тебе, дебилу? Полных лет? – взбесился милиционер.

– Сорок четыре... – икнув, проговорил Костомаров.

– Как зовут супругу? Её возраст? Почему вызвала наряд? Отвечай, падла! – процедил сквозь зубы неуравновешенный капитан.

– Райка... тридцать три года... зачем вызвала? А хуй его знает... – промямлил матом Василий.

– Молчать, сука! – снова взорвался блюститель порядка. – По существу отвечай! Полное имя, фамилия, отчество.

– Костомарова Раиса Павловна...

Неожиданный удар резиновой дубинкой по почкам свалил дебошира с табуретки, прикрученной к полу.

– Ты чё, легавый?.. За что бьёшь, гад? – зашипел на мента Васька.

– Што? Кто легавый?.. Да я тебя, сучару, сейчас в крошево! – взвизгнул капитан и принялся изо всех сил ногами избивать мужика.

– Отставить, капитан! – в дверях появился сам начальник местного управления.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – капитан отдал честь старшему по званию. И, как бы оправдываясь, добавил: – Задержанный по вызову милицейского наряда Костомаров, Василий Алексеевич, сорок четыре года, устроил побоище у себя дома. Жестоко избил свою супругу, значительно слабее и моложе его, а также тещу и детей. При задержании оказал сопротивление властям, вёл себя крайне агрессивно, нецензурно выражался, угрожал. При заполнении документов и опросе вёл себя нагло и вызывающе.

– Всё понятно, – ответил начальник. – В камеру его! Пусть посидит с уголовниками. Там его «просветят», как женщин надо уважать.

– Меркулов! – крикнул капитан.

В комнату вошёл тот самый здоровяк-сержант, который забирал Василия из дома.

– В тридцатую хату этого хмыря.

– Слушаюсь! – отдал честь сержант капитану и подполковнику, а Костомаровускомандовал: – Встать! Руки за спину!

Весь побитый, Васька, еле поднявшись на ноги, скрестил руки за спиной и, согнувшись, поплёлся из комнаты в тёмный коридор маленькой тюрьмы.

Вася Костомаров получил двухкомнатную квартиру в «хрущёвке» по наследству от отца. Алексей Фёдорович всю свою сознательную жизнь работал механизатором в совхозе, там же и познакомился с матерью Васьки, Полиной Ивановной, там же и женился. За отличную работу и перевыполнение планов директор совхоза ходатайствовал об улучшении жилья Костомаровым в горкоме. Высокопоставленное начальство пошло навстречу, и после многолетнего ударного труда Алексей с семьёй переехал в город. Васька был единственным ребёнком, учиться не хотел, прогуливал уроки. И хотя Полина Ивановна сама работала учительницей в той же школе, где учился её сын, повлиять никак на него не могла. Алексей Фёдорович устроился в городе на завод мастером. С работы возвращался уставший, а когда поздно вечером сынок появлялся дома, отец уже крепко спал, ему было не до разборок.

Так и вырос кумир семьи полным бездельником. Школу он бросил, слонялся по улицам, познакомился с окрестной шпаной, однако в их тёмных делах не участвовал, боялся колонии.

Васька бесцельно проводил время, ничем не интересовался, кроме девок. В компании, с которой он тусовался, были почти совершеннолетние «шалашовки», уже успевшие набраться сексуального опыта. Они всю «отрывались» на пьяных гулянках. Васька пил меньше всех, а когда шобла собиралась на дело – кого-то избить или ограбить, сматывал удочки.

Ближе к совершеннолетию Василия Костомарова произошёл вопиющий случай. Пьяная компания хулиганов (в том числе и три девки) напали на его отца, который, подвыпивший, получив зарплату, после работы возвращался домой. Он посидел со своими подчинёнными, которые его очень уважали, выпил с ними вина в кафе за заводом. Душевный и добрый человек по натуре, Алексей Фёдорович никому не рассказывал, что не повезло ему в жизни с женой-училкой. Благодаря стройной и красивой фигуре, как только они переехали в город, загуляла от мужа. Кто только не спал с Васькиной матерью – от большого начальства в городе до её учеников старших классов. Не повезло Костомарову-старшему и с сыном. Они с ним не нашли ничего общего.

Пьяные парни со своими шалавами остановили Алексея Фёдоровича в подворотне.

– Мужик! Дай закурить! – хрипло произнёс прыщавый жиган в кепке и кожаной куртке, ударив мастера своим плечом в грудь.

– Ты что толкаешься? Я не курю, – смело ответил Васькин отец.

– Вы посмотрите, бля... он не курит! – заржал жиган и ударил Алексея Фёдоровича.

Но мастер был крепкий мужик, и, выдержав удар, дал шпанюге сдачи, да так, что тот отлетел, «поцеловавшись» со стенкой.

– Ты чё, козёл! – завопила одна из размалёванных девок и, подойдя к мастеру, оголила перед ним подол. Резкий запах неподмытой вагины и омерзительной рожи вызвал у Васькиного отца отвращение.

– Не нравлюсь тебе, да? – взвизгнула девка. – Не хочешь меня трахнуть?

– Уйди, сучара! – грозно произнёс Костомаров.

– Че-ё? – вся шобла, словно озверевшая, накинулась на мастера. Били кастетами..., ногами..., головой о стену...

Кто-то, нагнувшись над бездыханным уже телом, вынул кошелек с деньгами.

Вася Костомаров в нападении, как всегда, не участвовал, ходил по вокзалу, любовался красивыми барышнями. Да и шайка напала на его отца чисто случайно. Если б они знали, кто он такой – не пристали бы.

А потом – следствие, всех членов шайки, в том числе и девок, посадили на долгие сроки в места лишения свободы. Ваську спас молодой тогда следователь Пётр Ефимович Старостин, да

и свидетели нашлись, уверенно подтвердившие в суде, что парень во время убийства находился совсем в другом месте.

Похоронив отца, Василий вскоре ушёл в армию. Полина Ивановна бросила работать в школе и, ударившись в разгульную жизнь, неожиданно умерла от запущенной венерической болезни.

Придя из армии, Васёк как будто остепенился. Старостин помог парню устроиться на работу; Васька, служа отечеству, умудрился выучиться на шофёра и теперь лихо водил ментовский УАЗик с оперативной группой. Менты каждый день регулярно выезжали по разным делам – где-то произошло убийство, где-то изнасиловали девушку, а чтоб как-то скрыть улики, несчастную напоили вином. Где-то кража со взломом – и Вася снова крутил баранку ментовской машины, набитой следователем, дознавателем, операми и задержанными. Несмотря на сложные отношения с родителями, Василий тяжело переживал их утрату. Костомаров мечтал, что, когда выйдут его бывшие дружки из мест заключения, он непременно заставит их ответить.

С тоской возвращался Василий в опустевшую, переданную ему по наследству двушку, падал после нелёгкой работы на диван и плакал, как ребёнок, навзрыд...

Прошло несколько лет. В один из выходных Вася познакомился с совсем юной Раисой. Она шла с матерью с рынка, держа в руках тяжёлые сумки с продуктами. Темноволосая, хрупкая девушка, скромно одетая в длинную чёрную юбку, старенький свитерок, тёплые колготки и красные туфли. Личико не накрашенное, – но очень добродушный улыбчивый взгляд притянул Костомарова к себе. Мать Раисы – Вера Васильевна, совершенно отличавшаяся от дочери своей полнотой и тяжёлой, грузной походкой, смотрела на молодого человека строго и подозрительно.

– Ба! – нашёлся вдруг Васька, напустив на себя весёлый вид, – Как можно такой милой девушке носить такую тяжесть? Разрешите вам помочь, мадам?

И тут же с лёгкостью выхватил обе сумки у изумлённой юной девчонки из рук.

Вера Васильевна хотела что-то сказать, но вдруг передумала и махнула рукой! Дело-то молодое... Не век же дочери в девках оставаться...

Отец Раисы умер очень рано, когда девчонке был всего год и два месяца. Овдовевшая её мать не захотела больше замуж. Сначала начала пить и гулять, бросив дочь на престарелых родителей. А когда те умерли, вдруг опомнилась, бросила пить и вернулась к дочери.

Но здоровье Веры Васильевны было подорвано. Женщина ударилась в другую крайность – стала искать своё спасение в религии. Всё же с Божьей помощью и благодаря добрым людям ей удалось вырастить дочь, дать ей образование, как-то помочь в жизни.

Девчонка выросла очень тихой и кроткой. Церковными молитвами её удалось уберечь от развращённой человеческой массы и разгульных походов.

Раиса жила с матерью, будучи к ней привязана.

Других женихов Рае не нашлось, и этот случай знакомства с Василием Костомаровым должен был определить её судьбу в дальнейшем.

Прошло время, и Рая с Васькой снова встретились в городском парке у фонтана. Молодым было весело, они катались почти на всех аттракционах, ели мороженое, шутили, смеялись, а под вечер пошли на танцы. Вася оделся с иголки, надушился дорогой туалетной водой, а Раиса по-прежнему была в скромной одежде. Костомаров не жалел денег, щедро тратя их на свою даму сердца. А когда на танцах к его девушке пристали хулиганы, Васька оказался не робкого десятка и вышел со шпаной на неравный поединок. К счастью, один из пацанов узнал

в Костомарове ментовского шофёра и упредил об этом своего лидера. Не пожелавшие связываться с работником милиции, ребята ушли, оставив девушку в покое.

Раиса, увидев смелость в своём парне, укрепились в своих чувствах. Теперь она не боялась больше строгой мамы и постоянно встречалась со своим избранником. Постепенно её гардероб стал пополняться новой одеждой, Вася щедро одаривал с каждой зарплаты свою возлюбленную. Раиса была просто счастлива! Она влюбилась в Костомарова до безумия и вскоре ответила ему взаимностью.

В религиозных семьях не принято лишаться невинности до свадьбы, но девушка от любви к Василию потеряла голову. Вера Васильевна, узнав о том, что её дочь уже не девственница и к тому же беременна, сначала пришла в ужас, крестясь перед иконами, затем в гневе ударила дочь по лицу. Раиса упала на кровать, заливаясь слезами.

– Как ты посмела перед Господом, блудница! – кричала разъярённая мамаша, казалось, её возмущениям не будет конца.

Но дело было сделано, назад не повернёшь, и Вера Васильевна вскоре смирилась.

Вася оказался честным, узнав о беременности своей любимой, он, не раздумывая, подал заявление в ЗАГС, и молодые вскоре поженились.

Всё изменилось в отношениях супругов, когда у них родился сын Иван. Вася крутил баранку ментовской машины и днём и ночью. Он думал о семье, о ребёнке, зарабатывая сверхурочными, работая также в выходные дни. Раисе стало скучно сидеть с ребёнком дома. Она завела себе подружек, которые приходили к ней домой и усаживались на кухне. На столе появилось пиво, а бывало и что покрепче. Наглухи, не стыдясь, дымили дорогими сигаретами, лишь приоткрыв в окне форточку, грязно матерились и громко хахалились. Несколько раз Вера Васильевна пыталась выставить расфуфыренных девиц на улицу, но Раиса закатывала такой скандал, что маленький Ваня громко кричал на всю квартиру от испуга. Пожилая женщина, жалея ребёнка, была вынуждена закрыть глаза на всё происходящее и изменившуюся в поведении после родов дочь.

– Ну, что ты, Райка, так зацикливаешься на своём мужике, даже погулять не успела, выскочила замуж, Ваньшу родила... а о себе даже и не подумала! – противным, визгливым голосом рассуждала длинноногая блондинка Лора, прикуривая от дорогой зажигалки сигарету.

– Мужиков пруд пруди и все они козлы! – вторила ей низкорослая тёмноволосая Наташка в голубых заграничных джинсах, обтягивающих сексапильную фигуру.

– Почему все?... – растерянно спросила Костомарова, отпивая из бокала свежее бутылочное пиво.

– А что ты со своего имеешь? – не унималась низкорослая. – Грошовую зарплату, дешёвые побрякушки, да ещё этого детёныша?..

– Ваню моего не трожь! – неожиданно разозлилась Раиса. – И вообще! Не твоё дело обсуждать мою личную жизнь.

– Райка, утихомирься! – вмешалась высокая блондинка, хорошо ухоженная, в короткой юбке и розовой красивой блузке. – Мы же о тебе думаем. Он тебе целку сломал, и ты скорее замуж? Красиво надо жить! Красиво! И чтобы все мужики штабелями падали к твоим ногам! Цену надо себе знать, Рая, цену! – подняв указательный палец вверх, нравоучительно твердила Лора.

– Девочки, выпьем за красивую жизнь! – подхватила Наташка и наполнила бокалы крепённым вином. Молодые женщины чокнулись.

В комнате раздобревшая Вера Васильевна всюсюкалась со внуком.

– Ах, Ванечка ты мой! Следунчики мои! Пуси, пуси! Золотой ты мой, ненаглядный! Дай я тебя поцелую!

Запьяневшую Костомарову подруги уволокли из дому. У подъезда их ждал легковой автомобиль с богатым молодым человеком из Грузии.

Машина с пьяными девками и хитроумным грузином рванула на большой скорости и скрылась на другом конце улицы. Вера Васильевна тяжело вздохнула. В кроватке тихо посапывал маленький Ваня.

Что теперь будет? Что сказать Васе? Он через час приедет на обед, а Раиса умотала, даже не сказав, куда. Впрочем, куда увезли её эти шалавы, догадаться нетрудно. А вот что говорить Василию, пожилой женщине даже на ум не приходило. Она никогда не умела врать. И дочь воспитывала в строгости, заставляя говорить только правду. А тут она так неожиданно испортилась! Когда же успел вселиться в неё этот дьявол? Вера Васильевна, тяжело дыша, ходила по комнате, на глазах некогда волевой женщины наворачивались слёзы. Не в силах больше сдерживать их, она расплакалась.

Васька на обед не приехал: не позволил срочный вызов. Группа оперативников спешила на выезд – пьяные подростки зверски избили до смерти инвалида по психическому заболеванию. Мужчина средних лет, весь окровавленный, с переломанными рёбрами и изуродованным до неузнаваемости лицом лежал посреди дороги. Погибший всю жизнь состоял на учёте в психдиспансере, неоднократно лечился в стационаре.

– К нему трое подошли, – давал показания свидетель-очевидец, старикан лет семидесяти пяти с тростью в руке. – Попросили закурить. Потом я уже не слышал, он вроде дал... Но они не отстали. Чего уж требовали дальше, я не понял. И вдруг повалили его, начали бить, да так жестоко! Я кричу им: «Ребята! Что вы делаете? Он же больной! Таблетки пьёт!» А они даже не реагируют, а только бьют и бьют... А я... Что я сделать-то мог? Разве я их раскидаю? Я сам еле-еле хожу. А народ проходит мимо, даже не смотрят. Своя рубашка-то ближе к телу. Потом бросили его. А там уже труп изуродованный. Я к почте, там попросил по телефону сообщить вам. Знаю я одного из этой шайки... Витькой зовут, со мной рядом живёт... – старик вдруг вздрогнул, но тут же взял себя в руки, теперь уже нечего бояться... – Семнадцать лет этому парню. Зверёныш тот ещё. И отец его недавно только освободился. Пьют на пару. Матери все нервы вымотали оба.

Дед закурил папиросу, закашлялся. Василий вышел из машины, подошёл к трупу. И... отшатнулся. Он вдруг вспомнил, как несколько лет назад такие же звери забили до смерти его отца, добродушного заводского мастера Алексея Фёдоровича Костомарова. Василия всего затрясло, он побледнел, пребывая в шоке.

– Ну, ну, ну! – похлопал его по плечу бывалый оперативник. – Васька, очнись! Вечером бухнём, и всё пройдёт. Знаю, зрелище не для слабонервных. Но что поделаешь? Работа у нас такая...

С трудом придя в себя, Васька пошёл к машине. А вечером, взяв всю шайку малолетних убийц и распределив по камерам, опергруппа решила немного расслабиться. Вася пил больше всех, начальство предоставило ему на следующий день отгул.

– Где Райка? – пьяный Василий тряс грузную, пожилую тётку. – Где эта сучка?

– Вася, уймись, ребёнка напугаешь! – умоляюще произнесла Вера Васильевна, но разгневанный Костомаров её не слушал.

Он метался по комнате, словно зверь, то и дело наскакивая на старуху, несколько раз ударив её по лицу. Перевернув всё вверх дном в квартире, перебив почти всю посуду, в том числе и чайный сервиз, Васька уснул в спальне.

Тёща, громко охая и задыхаясь, с трудом дошла до аптечки, висевшей на стене в коридоре. Выпив лекарства, поплелась на кровать. Однако внезапный плач ребёнка не дал ей заснуть. Женщина встала и начала пеленать Ивана. Покормив малыша и дождавшись, когда он уснёт, Вера Васильевна наконец задремала.

Бедной старухе снились ужасные кошмары. Пьяный дебошир, её зять, глумится над всей семьёй, а потом идёт с ножом в руке на неё. Женщина вскрикивает во сне от ужаса. Вера Васильевна и подумать не могла, что сон окажется вещим. Через несколько лет он сбудется, и всё закончится плачевно.

В двухэтажном доме, куда увезли Раису, гуляли трое друзей с тремя молодыми женщинами. Костомарову напоили крепкими спиртными напитками, женщине стало плохо. Она еле ворочала языком, и один из молодых парней, который сидел рядом с ней, повёл её в комнату. Грузин принялся раздевать Раю

– Отстань от меня... – пролепетала пьяная Райка. – Не видишь, я замужем.

Она показала чернявому своё золотое кольцо.

– Твой муж объелся груш! – весело ответил ей парень. – Посмотри на меня, моя прелесть! Разве Зураб Турацели не молод, не красив? – спросил он за себя в третьем лице. – Вай, какая славная девушка! – со своим грузинским акцентом продолжал Зураб.

В соседней комнате уже раздавались сладострастные стоны. Двое его приятелей, тоже грузины, всюду упивались в пьяном кураже с молодыми развратницами Лорой и Наташкой.

Раиса вяло сопротивлялась, но грузин уже снимал с неё трусы... Рая вскрикнула, попыталась вырваться. Но сильный и уверенный в себе молодой человек крепко держал девушку.

Наутро, одевшись, Зураб протянул Раисе сто рублей.

– Возьми деньги, – сказал он. – Мне было очень хорошо с тобой. Жаль, что ты не моя женщина. Купишь себе, что захочешь.

Он проводил Костомарову до калитки и вернулся в дом.

Раиса скомкала купюру и заплакала. Потом всё же засунула деньги в карман. Надо поймать такси. Этот козёл натрахался с ней и даже не подумал отвезти домой... Ой, мамочки! Что же теперь будет?..

– Где ты была, мерзкая потаскуха? – на Раю медленно надвигалась её грузная мамаша с синяками под глазами.

– Мам... я всё объясню, – попыталась ответить Костомарова.

– Мужу своему объяснять будешь! – Вера Васильевна разразилась в гнев, забыв про вунка. Она с силой влепила дочери оплеуху и вытолкала её из комнаты.

– Ты мне больше не дочь, подлючка! Если бы не Иван, я бы давно уехала от вас, и живите, как хотите! Тварь безбожная! Креста на тебе нет! Ничего, время придёт – покаешься!

– Мамочка, прости! – бросилась к ней Рая.

– А ну, прочь от меня! Не прикасайся даже! Иди, наводи порядок в квартире, гадина такая. Посмотри, что твой муженёк натворил! – Вера Васильевна показала на перевёрнутые вещи и разбитую посуду.

– Мамочка, я не могу, у меня голова болит... – плача, отвечала дочь. – У меня в разрыв, наверное, в промежности...

– Я тебе сейчас задам – «не могу»! – взъерепенилась толстуха. – А ну, бери веник!

Она взяла Раису за шкирку, как котёнка, но та вырвалась и убежала, запершись в комнате.

Заплакал Иван, старуха кинулась к нему, снова сюсюкая:

– Ванечка, не плачь! Ну, прости! Совсем забыла про тебя с этой полоумной твоей мамашей... Ой, ты Господи! Ванечка ты наш! Заинька мой миленький! Сейчас пелёночки сменим, я тебя накормлю. – Вера Васильевна, отвлёкшись на ребёнка, забыла про всё.

Раиса валялась в спальне, обхватив голову руками. После пьяного порева болело всё внутри, голова разрывалась на части. Когда залилась рёвом, то к ней никто не подошёл, комната была заперта. Вечером муж дома так и не появился. Рая, кое-как очухавшись, принялась убираться в квартире. Вера Васильевна сидела с ребёнком, нянчилась, кормила, пеленала.

Прошло несколько месяцев. Подруги Раисы больше не приходили. В один из зимних вечеров она узнала, что они погибли в автокатастрофе.

Молодые женщины ехали на «Жигулях» с подвыпившими ухажёрами. Они безобразно вели себя на дороге: орали пошлые куплеты, показывали встречным шоферам свои «прелести», дразня и оскорбляя их. Парни, вместо того, чтобы поставить на место распоясавшихся девиц, сами потакали им во всё, весело выкрикивая матерную ругань. Водитель «Жигулей» не справился с управлением, и произошло лобовое столкновение на высокой скорости с тяжёлым грузовиком. Все четверо, находившиеся в салоне легковушки, погибли. Водитель тяжёлого УРАЛа отделался лёгким испугом.

Раиса была потрясена случившимся, Василий слегка позлорадствовал. После гулянки молодой жены он к ней на время охладел, но пока продолжал работать.

Казалось, жизнь стала налаживаться, и через три года у них появилась дочка Аня. Вера Васильевна ликовала от счастья, она любила детей больше своей жизни. Постоянно молилась, сюсюкалась с ними, вкладывая в этих чад всю свою небольшую пенсию, балуя их и постоянно целуя.

Через несколько лет после рождения Анны, Раиса Костомарова снова перестала уделять внимание мужу и детям. Она завела роман с главным инженером одного из предприятий города, Виталием Павловичем Зюзиным. Плюхенький мужичок, сорока пяти лет, с виду добродушный и улыбочивый, очень нравился молодой женщине. Зюзин приходил после работы в кафе, где Раиса работала официанткой, и заказывал себе сытный ужин. Он любил вкусно поесть, мило улыбался, щедро оставлял чаевые. Мужик с хорошей зарплатой, личным автомобилем, одинокий, – почему бы и нет? Раиса недолго размышляла над этим. Что её ждало дома? Постоянные упрёки матери, типа она не занимается своими чадами: Ванька с Анькой просто-напросто повисли на пожилой женщине. Надменный и суровый взгляд усталого Василия, его здоровые кулаки, которые он не раз на неё распускал. Мать Раису теперь не защищала, лишь бы детей не трогал.

А этот Виталик такой добрый и умный! Сегодня он снова позвонил ей на работу, а заведующая, как всегда, смолчала. Ну и правильно! Значит, она по-женски понимает её. Рая в приподнятом настроении обслуживала клиентов, вертелась, как белка в колесе, всячески угождая им. Вечером приедет милый, и они снова отправятся к нему на дачу – двухэтажный домик в десяти километрах от города. Просто сказка какая-то! Рядом лес, речка. А какой он в постели! Ласковый, мягкий... Столько удовольствий!

Василий никогда Раисе на работу не звонил. Он может прийти домой очень поздно, а может совсем не прийти. Изнурительная работа шофёром оперативной машины... В районном городке, как и в самом районе, множество преступлений. Менты не успевают со всем справиться.

Дома тёща с малолетними детьми, он должен их кормить. Вот только жена опять неизвестно где шляется. Ну ничего, она за своё ещё получит!

Васька со злостью давит на газ. Весёлые опера едут на задержание очередной ОПГ. Сейчас начнётся!

– Райка, твой хахаль пришёл! – ворчливо обращается к молодой женщине пожилая посудомойка.

– Ой, она уже голову совсем потеряла от него! – вторит ей кухарка помоложе.

– Сука же она! – злится молодая повариха. – Детей бросает, мужу изменяет. И чего её Клавдия Петровна держит?

– Твоё какое дело? – строго замечает шеф-повар. – А ну, марш работать!

Повариха исчезает на кухне.

Закончив облугу, исчезает с «хахалем» и Раиса.

– Подонок! – насмешливо вставляет фразу молодой опер, скрутивший и заковавший в наручники мужчину, лет тридцати. – Пошёл! – Опер дал ногой пинка задержанному.

Через несколько минут повязали ещё троих.

– Васька! И ты с ними? – недоумённо смотрит на шофёра оперативного «РАФИКА» задержанный здоровенный детина. – Ух, и падла же ты!

Костомаров вдруг вспомнил, кто эти люди. Это та самая шпана, с которой они вместе гуляли в школьные годы. Это убийцы его отца, Алексея Фёдоровича Костомарова! Вот так встреча! Только шмар их не хватает до полного комплекта.

Вася схватил здоровяка за шкирку и с силой ударил его в грудь. Мужик захрипел.

– За что?

– Ты ещё и спрашиваешь, гад! – взвился Вася, нанося удары в различные участки тела задержанного. – Я тебя сейчас, сука, в крошево разуделаю! Вы отца моего убили, козлы! Или не припоминаешь?!!

– Я не знал, что он твой отец! – взмолился здоровяк и, упав на колени, завыл, как мальчишка.

– Васька, прекрати! Я всё понимаю. Но не время выяснять отношения. Мы его при допросе помнём как следует. – К разъярённому Костомарову подошёл старший оперуполномоченный и с трудом оттащил его от задержанного.

На даче у Зюзина тряслась кровать от любовных возлияний. Голая пара страстно облизывала друг друга, погружаясь в волшебный мир интима.

Дома сидела толстая бабушка с двумя детьми.

Роман с Виталиком продолжался несколько лет, пока в один прекрасный момент Зюзина не вычислил Костомаров. Васька, в очередной раз сильно избив жену, попытался, где работает Виталий Палыч. Раиса собиралась бросить семью и выйти замуж за своего любовника. Ей было всё равно, что хитрожопый Зюзин ни разу не привёз её к себе домой, а интимные встречи проходили только у него на даче. Не знала она, что Виталий все эти годы только притворялся холостяком, а на самом деле дома в четырёхкомнатной, шикарной по тем временам, квартире его ждала очкастая неприглядная супруга и четверо детей, избалованные и изнеженные. Всё это Зюзин умело скрывал от своей молодой любовницы, щедро дарил ей подарки, красиво ухаживал, был добр и ласков в постели.

Дети Костомаровых уже подросли. Вера Васильевна занималась ими, провожала и встречала из школы, готовила, стирала, учила с ними уроки. Ванечка и Анечка для неё были свет в окошке. Сколько сил и здоровья было потрачено этой милой и доброй женщиной!

Около пяти часов вечера Василий подъехал на машине один к проходной предприятия. Работяги все ушли, сейчас должны пойти их руководители. А вот и он, главный инженер, собственной персоной!

Полненький мужичок неторопливой походкой направился к своей машине. Вася молча наблюдал за Виталием Павловичем, он ждал, когда тот заведёт свой жигулёнок и поедет. Костомаров ехал за Зюзиным на расстоянии, стараясь быть незамеченным. Виталий остановился у небольшого магазинчика, вышел из машины. Кругом ни души, один частный сектор – прекрасное место для выяснения отношений! Васька хищным зверем набросился на Палыча, когда тот выходил из магазина, держа в обеих руках купленный товар. Свалив мужика на землю, расшвирепавший рога носец принялся жестоко его избивать. Зюзин завопил, но никто не пришёл ему на помощь, а испуганная продавщица закрыла дверь магазина изнутри, даже не вызвав ментов, хотя телефон стоял на столе.

– Чё, козёл, моя супруга хороша была в постеле? Отвечай, гад!

– Прекратите! Я не знал, что она замужем... – пытался отвиться Виталий, получая удар за ударом.

– Убью, падла! – схватив за шиворот, как щенка, процедил сквозь зубы Васька.

Виталий, весь в крови, с разбитым лицом и внутренними повреждениями, остался лежать возле своих «Жигулей», а Костомаров, заведя ментовский РАФик, резко рванул с места.

Зюзин умер в больнице, менты так и не выяснили обстоятельств его смерти. А может, просто не захотели, дел у них и без того хватало по горло. Костомаров написал письмо в Москву своему старому знакомому Петру Ефимовичу, но тот был занят настолько, что не ответил. Не получив моральной поддержки, Вася запил по-чёрному. На работе ему предложили написать заявление «по собственному желанию».

Эпизод

Васька лежал на нарах в камере и пытался трезво прояснить ситуацию после нескольких лет беспробудного пьянства. Сокамерники его не трогали, и Костомаров продолжал вспоминать. Последние годы он перебивался случайными заработками, воровал из дома деньги у жены и тётки, зависал у местных «подружек». Те были ему обязаны. Когда Костомаров работал шофёром ментовской машины, они сами были частыми арестантками и их сажали в «обезьянник». Васька бегал за сигаретами и продуктами этим шмарам. Звонил по телефону, кому надо, чтобы их выручили. Да много было чего. Раиса тоже продолжала ходить на сторону, здоровье Веры Васильевны сильно подрывалось, а на одну зарплату детей не прокормишь. Василий продолжал бухать и дебоширить дома. И вот, однажды, его тётка не выдержала и вызвала милицию.

В ментовке обстановка сильно изменилась. Старые кадры давно, как и Вася, поувольнялись. Знакомых, чтобы отмазать Костомарова, не было. Однако сегодня по камере пошёл слух, что в ОВД идёт смена руководства, и из Москвы прибудет новый начальник городской милиции.

Вскоре оказалось, что этим начальником стал не кто иной, как старый приятель Костомарова – Пётр Ефимович. Вася вдруг понадеялся, что тот отмажет его и снова поможет в жизни. Старостин отмазал, но в жизни не помог...

Костомаров вернулся в разбитую после постоянных дебошей квартиру. Раиса лежала на животе в зале, вцепившись зубами в подушку. Тётка повернулась к Васе.

– Ты ей весь задний проход порвал, извращенец! – сказала она, кивнув на скорчившуюся от боли Райку.

Васька молча вышел на балкон, извлёк из тайника записку – не раскупоренную бутылку водки. В несколько приёмов осушил её из горла, быстро запьянев. Всё тело болело от ментовских побоев. Из школы пришли дети.

– Мама, что с тобой! Почему ты не встаёшь уже пятый день? – спросила маленькая Аня.

– Бабуль! Батя дома? – спросил Иван у Веры Васильевны. А у самого закралась мысль: «Лучше бы он никогда не вышел оттуда...»

Бабушка ничего не ответила.

В зал вошёл пьяный Василий.

– Что, старая паскуда, сдала, да? – заплетающимся языком сказал он, надвигаясь с прихваченным с балкона топором в руке, которым рубили мясо.

Иван встал между ними, Аня закричала и убежала в спальню. Раиса была бессильна что-либо сделать.

Обезумевший от жажды мести мужик замахнулся топором над головой сына.

– Не трожь Ваню, изверг! – Вера Васильевна отшвырнула внука, и это спасло ему жизнь.

Удары, один за другим, обрушились на голову пожилой, но смелой и отчаянной женщины. Кровожадный зверь не знал меры в своей расправе и глумился над изуродованным и кровавым трупом. Дикие, нечеловеческие вопли всполошили весь дом. Соседи Турамбековы долго вызывали милицию по телефону, убеждая их срочно приехать. Наконец, на руках одуревшего Василия защёлкнулись наручники.

– Ну, и дурак же ты, Васька! – услышал очухавшийся Костомаров знакомый голос. – Ну, и сволочь же ты! Квартира же полностью твоя была, мог бы запросто их всех выпроводить и зажить по новой! Зачем же старуху было убивать, да с такой жестокостью? Посмотри, урод, что ты сделал? Одно кровавое месиво!

Веру Васильевну похоронили в закрытом гробу, дети Ваня и Аня навсегда остались инвалидами. Раису увезли в психушку. Не выдержав угрызений совести, Костомаров в камере наложил на себя руки, перерезав горло спрятанным в трусах лезвием.

Проклятое место

– Дурак ты, Васька! – в сердцах бросил Пётр Ефимович, узнав, что утром вынесли из камеры с перерезанным горлом, всего в крови, Костомарова, и налил себе в стакан водки. Новому начальнику городской милиции, получившему повышение в столице и много лет проработавшему там, было жаль Васю. Жалко, несмотря ни на что. Старостин вспомнил, как, будучи молодым следователем, встретил симпатичного, осиротевшего паренька, только что вернувшегося из армии, и, посочувствовав ему, протянул руку помощи. Костомарова приняли на работу водителем машины оперативной группы, на которой тот ездил долгие годы.

– Ну что тебе не жилось, как всем? Семейку сгубил и сам сдох, как собака! Ох, и дурак ты! – сокрушался бывший следователь, а теперь высокопоставленный начальник.

Пётр Ефимович ещё раз вспомнил светловолосого, добродушного паренька, своё расследование об убийстве отца Васьки и тихо заплакал, закрыв лицо руками...

Раздался телефонный звонок, и Старостин, быстро взяв себя в руки, бодро произнёс:

– Слушаю!

Через несколько минут шеф городской милиции мчался по городу на служебной «Волге» с личным шофёром к дому Костомаровых.

– Да что же это такое? – продолжал он негодовать, разговаривая с водителем. – Опять в этом доме зверское убийство...

– Проклятое место какое-то, – отвечал его собеседник, выжимая педаль газа.

Этот молодой парень, с добрым, бесхитростным взглядом, как когда-то и Вася Костомаров, лихо управлял автомобилем.

Пётр Ефимович подъехал, когда обезображенный труп, упакованный в целлофановый мешок, начали грузить в труповозку. Рядом стояла вся оперативная группа, в том числе кинолог с собакой, следователь капитан Смирнов, когда-то тоже живший на этой улице, только в другом доме. Он сразу узнал убитого.

Дворника Семёна знала вся округа – пожилой, незлобивый мужичок, общительный и простой, но никогда не уступающий тем, кто его пытался оскорбить или обидеть. Он был решительным и смелым, готовым каждому прийти на помощь, как когда-то разогнал обидчиков Ани Костомаровой.

Смирнов знал дядю Семёна ещё с детства, рос на его глазах, заканчивал школу, затем юридический институт. После женился и переехал на другой конец города, а недавно поступил на службу в городскую милицию.

Следователь доложил начальнику милиции о случившемся и обстоятельствах гибели дворника.

– Обычная бытовуха, – сказал он, а затем изложил информацию.

С утра, как обычно, Семён подметал участок своего дома. К работе мужик относился трепетно и добросовестно. Однако очень не любил, когда ему мешали. Со второго этажа доносились громкая музыка. Всю ночь галдела молодёжь, слышались пьяные выкрики, матерная брань, выяснение отношений. Среди молодых парней были и девки, которые ничуть не отличались поведением от своих ухажеров. Громкие сладострастные стоны пьяных оргий, непрекращающийся однотипный музон не давали спать соседям, но те боялись вызвать милицию. Позвонили бы раньше – могли предотвратить беду. Но малодушна душа русского человека: пока не грянет гром...

Не выспавшись, дворник молча мёл тротуар, когда буквально чуть ли не ему на голову полетела бутылка с недопитым дешёвым вином. Вслед за бутылкой посыпались многочислен-

ные окурки, и раздался громкий ржач пьяных молодчиков. Семён тоже частенько выпивал со своей сварливой женой, но только после работы и дома. К тому же он не терпел хамства в свой адрес, а к подобному поведению был очень несдержан. Это его и сгубило.

– Что, сволочи, ещё не вылезли? Пидары вы, больше никто. И ваши девки – подстилки грёбаные! – вспыхив, заорал Семён.

Это стоило ему жизни. Он принимал гуляющую кодлу за малолеток, и был уверен, что напугает их.

– Кто пидор? – один из парней, быстро впад в агрессию, уже спускался к нему. – Ты что, дядёк, рамсы попутал? – чернявый закипал от злости.

Дворник понял, что перегнул палку в выражениях, и за это ему предстоит сейчас ответить, но остановить разгневанного отморозка было невозможно. Семён в страхе попятился.

– Ты кого пидаром назвал? – почуяв своё превосходство над неразумным пожилым мужичком, продолжал наступать чернявый.

Дворник попытался схватить лопату, но молодой «волк» умело выбил её у него из рук.

– Помогите! – успел прохрипеть Семён.

– Сейчас мы тебе поможем! – пообещал чернявый, а по лестнице уже спускались ещё два молодчика.

Первый же удар свалил несчастного Семёна с ног, тот застонал, не в силах противостоять молодым и разъярённым отпрыскам, которые уже в буквальном смысле забивали его. Никто из жильцов не пытался заступиться, или хотя бы позвонить в милицию. Турамбековы, высунувшись из окна, молча наблюдали, но не вмешивались. Им хватило трагедии Костомаровых, когда потом, после убийства Веры Васильевны, милицейские следаки замучили татарскую семью своими вопросами. Они неохотно давали показания, влезать в чужие разборки татарам не хотелось.

Из другого окна показалась испуганная, немолодая женщина. Это была жена Семёна. Она в ужасе наблюдала, как отморозки с каждым ударом отнимали жизнь у её мужа, но тоже ничего не попыталась сделать. Не могли повлиять на озлобленных парней и их подруги. Две из них стояли в нерешительности на балконе, а третья, быстро протрезвев, и вовсе убежала из дома.

Лишь одна юная парочка, прогуливающаяся с утра, не осталась в стороне. Эти ребята ходили в христианскую церковь, были до безумия влюблены друг в друга и собирались пожениться.

Девушка быстро нашла телефонный автомат и дрожащими от волнения пальцами набрала «02». Парень попытался остановить отморозков, но было поздно. Дворник, с множеством внутренних повреждений, был мёртв.

Менты в этот раз приехали на удивление быстро, догнав и скрутив убийц Семёна.

Смирнов с грустью смотрел на изуродованный труп дворника. Следователь уважал этого самолюбивого и добродушного при жизни дядьку. Пётр Ефимович с презрением и злостью взглянул на задержанных. Трусливые парни даже не пытались сопротивляться, успели протрезветь и дрожали от страха за своё будущее. В тюрьму никому из них не хотелось, ранее судимыми они не были. Двое из них ещё не закончили техникум, третий работал частным извозчиком. Они и раньше всей компанией могли по пьяной лавочке жестоко избить кого-то из прохожих, но не до смерти, и никто из потерпевших на них не заявлял. Семён просто оказался не в том месте и не в то время. Да ещё и рывкнул на этих ублюдков, обозвав нехорошим словом. За что и поплатился.

Всё это начальник милиции выяснил в считанные минуты, дав команду Смирнову доставить молодых убийц в отдел, где будет проводиться дознание, после чего им предъявят обвинение и возьмут под стражу.

– Поехали! – сказал шеф милиции своему водителю, усаживаясь на сидение служебной машины. «Волга» снова на высокой скорости понеслась по городу.

– Помедленней, чего опять разогнался? – недовольно добавил Пётр Ефимович.

Шофёр улыбнулся в ответ и услужливо замедлил движение. Весна была в самом разгаре. Полковник Старостин задумчиво любовался мелькающими деревьями, на которых начала выступать листва, снег весь растаял, было сухо и солнечно.

– Господи, ну почему же!.. Жить бы всем людям в мире и согласии, наслаждаться природой, создавать семьи, учиться и работать... Нет, надо сеять вражду, грабить, убивать, воровать, насиловать...

Пётр Ефимович опустил стекло и закурил сигарету. Полковник прожил со своей женой двадцать лет в скромной трёхкомнатной квартире, вырастил дочь, которая уехала учиться за границу, взяток почти не брал, довольствуясь приличной зарплатой. Лишь один или два раза согрешил, взяв деньги – надо было помочь жене и дочери. Жене потребовалась дорогостоящая операция, у неё очень большое сердце, а дочери деньги пошли на учёбу. Старостин осознавал, что совершает должностное преступление, но семья для него – святое, и он был готов пойти ради неё на любые жертвы.

Смирнов сидел в своём кабинете и по очереди допрашивал задержанных. Подонки то валили друг на друга, то признавались частично, то пытались уйти от ответственности. Чернявый и вовсе прикинулся больным, будто не понимал суть происходящего. Но долго отпираться было бессмысленно. Все трое дали признательные показания под давлением и угрозами следователя отправить их в прессыхату.

Старостин в допросах не участвовал, лишь выслушивал по телефону доклады своих подчинённых. Пётр Ефимович отлично помнил о своих грехах, когда, работая в Москве, позволял себе «брать на лапу». Ему не давали покоя два громких дела, которые пришлось, ради денег, спустить на тормозах. Вмешайся вовремя оперативники из особого отдела, и на руках полковника защёлкнулись бы браслеты. Но как-то всё обошлось, верхушка закрыла глаза, и страж порядка благополучно ушёл от уголовной ответственности. Но, как говорят, совесть – личный контролёр, и начальник милиции не находил покоя на новом месте, в своих родных пенатах. Он мучился ночами от бессонницы, часто курил, то и дело прикладывался к бутылке. Однако в запой не уходил и на работу приезжал вовремя, не давал спуска своим подчинённым. Измотанный и опухший, полковник с огромным трудом сдерживал себя, чтобы не сорваться ни на работе, ни дома. Он сохранял внешнее спокойствие, даже когда в нём всё закипало, и только в глазах бывало сверкали искорки ярости или раздражения. Так было в те моменты, когда менты плохо работали, упускали преступников, или звонили сверху, ругали, грязно матерясь, весь городской отдел милиции.

Следователь продолжал допросы. Больше всего его возмутили показания жены убитого. Располневшая, неприятная бестия немолодого возраста говорила о своём муже, как о плохом соседе, вместо того, чтобы требовать сурового наказания убийцам Семёна. Безусловно, эта мерзкая баба боялась за свою шкуру.

– Да пил мужик-то... – визжащим голосом твердила она, – скандалил. Вот и сам нарвался. Ну, те его и того...

– Что «того»? – раздражённо переспросил Смирнов, и на его лице выступили розовые крапинки.

– Того... этого... – старуха запнулась. – Ну, значит, побили.

– Побили, говорите? – нахмурился следователь.

– Ну, сам он виноват, понимаете ли... Выпивши был, ругаться с ними начал...

– А вы, значит, всё это видели и молчали?

– А что я? Я ничего... Испугалась я... У меня сердце больное. Понимаете ли?... – Баба усиленно пыталась вызвать к себе жалость. – Больная я. Еле хожу...

– Вон пошла! – рывкнул на неё вконец взбешённый от праведного гнева следователь. – Вон из кабинета! Мразь!

Толстуха в страхе попятилась к двери.

Весь день Фёдор Николаевич Смирнов был раздражён и несдержан. Допросы задержанных он проводил с пристрастием, нередко в ход пускал кулаки и наводил ужас на подсудимых. Свидетели тоже боялись грозного следака, вся охота что-то скрыть сразу пропадала. Несмотря на молодость, Фёдор чувствовал свою власть над людьми, и кроме тех, кто выше его рангом, никого не боялся. Допрашивая Турамбековых, он так запугал семейную парочку, что те выложили всё как на духу, так что материалов дела набралось достаточно, чтобы наказать убийц дворника по полной. Смирнов перестарался. Взвинченный, он вызвал к себе неприязнь со стороны Алёны Демидовой и Ильи Кустова – тех самых влюблённых, которые пришли на помощь несчастному Семёну, вызвав милицию. Молодая пара была возмущена грубостью следователя и давлением на них. Парень с девушкой не знали, что Фёдора Николаевича вывело из себя подлое предательство жены убитого, которая не страдала никакими хроническими заболеваниями, и кроме излишнего веса, ничем серьёзнее редкой простуды не болела. Ещё заранее, перед допросом, следователь запросил справку из районной поликлиники о состоянии её здоровья. А эта падла сидела, притворно корчась, и противно ёжилась.

Больше всего Фёдор ненавидел таких людей. У него было немало уголовных дел, связанных с убийствами из корыстных побуждений. Например, одна молодая особа, едва выскочив за состоятельного мужлана, решила побыстрее прихапать всё его состояние: роскошный коттедж, дорогой джип и все его денежные средства. Успешный бизнесмен не смог устоять перед редкостной красоткой, которая так прелюбострастно улаживала его в постели. Воспользовавшись помощью своего любовника из уголовной среды и его дружков (с которыми тоже побывала в постели), она избавилась от нелюбимого супруга. Вот только с правом наследства вышла накладку, и корыстную даму вскоре арестовали. Точно так же, спасая свою шкуру, мерзавка быстро выдала своих поделщиков. Бабу, по каким-то невыясненным причинам удавили сокамерницы, а её хахали поехали отбывать длительные сроки в тайгу.

Семён родился в послевоенное время. Его мать была убогой от рождения, всю жизнь хромала, жила одна в самом дальнем доме деревни у леса. Родителей её расстреляли фрицы за связь с партизанами, хотели поджечь и дом, но потом передумали и ушли в другую деревню. Мать Семёна была тогда совсем юная, родители успели её спрятать в погребе. Девушку звали Вероникой Дубцовой, на тот момент ей было шестнадцать лет. Спасаясь от голода, девушка ходила в лес по грибы и ягоды и делала запасы на зиму. В маленьком огороде возле дома весной сажала картошку с капустой, семена ей давал деревенский батюшка. Он приучил девушку ходить в православную церковь, молиться Богу, петь духовные песни.

Священник был честным, с прихожан лишнего не брал, только на нужды церкви. Когда у родственников не было денег, отпевал усопшего бесплатно. Отец Тимофей носил девушке освящённый хлеб, который пёк у себя дома в печке. Молился за всех и за себя, но иногда грешил – напивался в зюю деревенским самогоном. Пьяный, он носил из дому не высывал – боялся, что увидят деревенские, просто запирали в сенях дверь и, уединившись от всех, засыпал. Проснувшись после пьянки в одиночестве, батюшка обмакивал льняное полотенце в святую воду и обвязывал себе голову, торопливо крестясь и прося у Бога прощения. Приведя себя в порядок, он заходил за Вероникой, ещё за несколькими женщинами, и они уходили на службу. Таким образом, девушка избежала детского дома и много лет провела в церковном приходе. Батюшка был сдержан в отношении женщин, ничего лишнего с ними не позволял. Он по-

прежнему пёк у себя дома хлеб, освящал его, кусок оставлял себе, остальное делил с теми, кто в нём нуждался.

Отец Тимофей умер после Пасхи, от менингита. Он напился сивухи в большой церковный праздник, сразу после торжественной службы в деревенской церкви. Бедняга сильно переборщил с холодной святой водой, окуная туда полотенце и моча им большую голову после пьянки. Лишь несколько человек знали о слабостях священника, в том числе и Вероника. Однако про это умалчивали. Все люди грешные, что тут скажешь?.. Батюшка выдержал ещё одну службу, но вечером его свалила высокая температура. Несчастный сильно бредил, но даже в бреду молил Бога. Женщины и убогая Вероника стояли возле умирающего и молились, держа в руках зажжённые церковные свечи. Замироточила икона Божьей Матери и болящий ушёл из жизни...

Батюшку похоронили возле церкви. Два неуклюжих старика с огромным трудом лопатами вырыли ему могилу, опустили в неё наспех сколоченный гроб. В холмик вбили небольшой деревянный крест с табличкой и надписью. Священник прожил пятьдесят два года, нового не прислали, и церковь закрыли.

Вероника осталась совсем одна, без поддержки, о ней все забыли. Вскоре в деревню нагрянула сбежавшая из места заключения банда. Почти всех жителей перестреляли вооружённые автоматами и пистолетами молодые отморозки, а молодых женщин изнасиловали. Трупы топили в реке у леса, рядом с которым был дом Вероники.

Один из бандитов зашёл в дом и увидел перепуганную девушку. Она была совершенно беспомощна перед здоровым, рослым парнем. Коротко стриженный молодой отморозок приказал девке подать на стол. Та принесла настойку из ягод, приготовленную ею как лечебное средство, батюшка многому её научил. Жаль, заступиться за сиротину было некому. Захмелевший от крепкого напитка парень повеселел и начал отпускать в сторону Вероники пошлые шутки. Бедняжка терпеливо относилась к издевательским насмешкам наглого, подвыпившего «шутника». Она поставила на стол чугунок с варёной картошкой и плошку с солёными грибами. Довольный бандит стал уплетать вкусную еду. Нажравшись и крепко выпив, он стал ещё больше домогаться до девушки, приказав той раздеться. Несчастливая стояла, словно в оцепенении, но чужак и не думал отказываться от своего. Он силой повалил Веронику на кровать, срывая с неё бельё.

Он как будто не слышал истошных криков убогой, наслаждаясь своим сладострастием, выливая на неё свою бушующую похоть. Вместо поцелуев он «награждал» Веронику звонкими пощёчинами, хватал её за худые щёки, плевал в лицо. И каждый раз, кончая, орал от возбуждения свирепым и противным голосом.

Закончив глумиться над несчастной и насиловать её, бандюган, смачно сплюнув, вышел из дома. Он был уверен в своей безнаказанности и не стал убивать убогую. Собравшись вместе, они быстро ушли из деревни, растворились в лесах – пока большинство из них не были пойманы и расстреляны внутренними войсками без суда и следствия.

Вероника забеременела. Немногие, кто остался в деревне, пришли ей на помощь.

– Грех-то какой! – крестясь, говорили бабки. Но рожать было надо, и вскоре появился на свет мальчик, которого назвали Семёном.

Веронику отвезли в районную больницу, где врачи осмотрели и обследовали её, а затем ребёнка. Молодой женщине дали вторую нерабочую группу инвалидности, подлечили, помогли с кормлением малыша. Сеня оказался, на удивление врачей, крепким и здоровым малым, а вот его маме после родов стало хуже. Сказались моральные и физические издевательства молодого бандюги, который имел несчастную девушку, как хотел, к тому же без её согласия. У Вероники обнаружили целый букет хронических заболеваний, рекомендовали длитель-

ное медикаментозное лечение, в том числе и санаторно-курортное. Но куда уедешь из такой глухомани, тем более на руках с ребёнком? И вскоре Вероника с маленьким Сёмой возвратились в деревню.

В её дом приходили деревенские бабки, приносили парного коровьего молока в бутылочке, радостно гогоча, глядя на подрастающего Сёмку.

– Ах, Сёмушка, голубок! Да какой ты славненький! – весело приговаривали они.

Вероника, сильно прихрамывая, умудрялась топить печку, кормить своего младенца, заниматься стиркой и уборкой по дому. Она принимала прописанное врачами лечение, но не давала себе расслабляться. Женщина качала в колыбели мальчика и напевала ему своим нежным голосом колыбельную песню:

Спи спокойно, мой сыночек,
ласковый, скорей усни.
Милый, добрый ты цветочек,
Бог спаси и сохрани.

Спи, любимый, сладко-сладко,
песню я тебе спою.
Обезьянки и лошадки
тоже за день устают.

Пусть во сне тебе приснится
совершенно мир другой,
где спокойно людям спится,
где царит души покой.

Может быть, и в этом мире
будет всё, как никогда.
В нашей маленькой квартире
будет солнышко всегда.

Спи спокойно, мой цветочек,
будешь ты всегда со мной.
Спи, любимый мой сыночек,
добрый, ласковый, родной.

В подполе Вероника нашла старое ружьё, её отец до войны ходил на охоту. Девушка пользоваться им не умела, но на всякий случай оставила в снях. Время было беспокойное. Бандитов всех не переловили. Трое из них – Гришка Воронцов, светловолосый и здоровый детина, который глумился и насиловал несчастную Веронику, рыжий Иван Греков и латыш Янис Вацконис, упитанного телосложения, – прятались в лесах и были неуловимы. Озлобленные офицеры и солдаты внутренних войск прочёсывали леса с собаками, а также все прилегающие населённые пункты, опрашивали жителей, заподозренных в укрывательстве задерживали и избивали на допросах. Спасаясь от погони, Воронцов с двумя подельниками, отстреливаясь, убили несколько солдат и тяжело ранили офицера, умершего потом от потери крови. Грабить деревни, как раньше, бандиты не решались, боясь облавы. Да и жители стали бдительнее, вооружились ружьями. Устав от изнурительных мытарств и скитаний, Григорий с Ванькой закололи и съели латыша. С наступлением зимы в лесу есть больше было нечего. От сильной простуды свалился и Иван. Воронцов пристрелил Рыжего, дабы он не мучился. Похоронив

товарища в лесу, Гриша наткнулся на переодетых оперативников. Те, опознав преступника, бросились за ним в погоню. Отстреливаясь, Григорий мчался в ближайшую деревню.

– Стой, гад! Бросай оружие! – кричали менты в гражданской одежде.

– Получи, легавый! – показал им кукиш Воронцов и выпустил последний патрон.

– А-а-а... – застонал сражённый наповал один из оперов.

– Убью, сука! – закричал второй и в ярости выпустил всю оставшуюся обойму в Григория. Истекая кровью, раненый бандит разыскал знакомый дом.

Вероника, растопив печь, села кормить маленького Семёна. Сегодня она плохо себя чувствовала, беспокоило сердце. Отчаянный стук в дверь переполошил её окончательно.

– Кто там? – испуганно спросила молодая женщина.

– Открой... – послышался до ужаса знакомый голос. – Я не причиню тебе больше боли.

– Убирайся! – твёрдо произнесла Вероника, – уходи сейчас же, а то я тебя пристрелю! –

Она щёлкнула затвором отцовского ружья.

– Я ранен, истекаю кровью, – тихо произнёс бандит.

– Уходи по-хорошему, – повысила голос Вероника, – поищи себе другое место.

– Ты хочешь моей смерти? – упорствовал Гришка, – ты мстишь мне за то, что я тебе сделал больно?

– Я не мстительная, но на твоей совести столько смертей! Ты людей грабил, убивал, а теперь ещё просишь помощи? Этому не бывать! Слышишь?

– Ну, помру я у твоей двери... тебе от этого легче будет? – прямо спросил Воронцов.

Бандит застонал и стал медленно оседать. Сквозь нижнюю щель Вероника увидела поступающую в сени лужицу крови.

Сердце её дрогнуло, и она открыла ему.

Григорий упал прямо на Веронику, она лишь успела подхватить его руками. Кое-как внесла тяжёлое тело в комнату, уложила на единственную в доме кровать. Воронцов истекал кровью, и она принялась обрабатывать рану самогоном.

Вероника закрыла бандиту лицо, оставила только рот и нос, чтобы его не узнали и, позвав бабушку из соседнего дома, чтобы посмотреть за ребёнком, отправилась в соседнюю деревню за фельдшером. Григорию нужно было удалить пулю, иначе гангрена и смерть. Не очень-то хотелось спасти убийцу и насильника, но он – отец ребёнка. Да и смерти Вероника никому никогда не желала. Покойный батюшка учил в церкви добру и сам был таким добрым человеком, каких она не встречала в своей жизни. Дома оставалось немного семян, которые он дал незадолго до смерти для того, чтобы она сажала их у себя в огороде.

Фельдшер, очкастый старик невысокого роста и худощавый, встретил женщину неласково.

– Нет у меня времени, своих дел по горло! – буркнул он, собирая в аптечку свои инструменты с медикаментами.

– Дядя Егор, ты пойми, случайно подстрелили моего родственника! Если сейчас не вынешь у него пулю, он умрёт!

– Какое мне дело до твоих родственников! У самого баба не сегодня-завтра откинется. Не видишь, что ли? – в сердцах закричал старик.

У печки, задыхаясь от тяжёлого кашля, громко стонала грузная пожилая женщина

– Егор! Иди, пособи ей, – прохрипела она, – мне уже всё равно не поможешь.

Дед сверкнул очками и, горестно вздохнув, сказал, беря с собой аптечку:

– Ну, пошли, что ли... Будем спасать твоего родственника.

– Помогите вам, Господи! – на прощание пожелала добрая старая женщина.

– Какой-то подозрительный у тебя родственник, Вероника! Весь в наколках, как урка, – удивился очкарик, делая раненому бандиту операцию. Григорий скрипел зубами от боли и от не вовремя высказанных слов фельдшера, но терпел.

– Дядя Егор, в нашей стране каждый второй сидел, – нашлась с ответом молодая женщина.

– Без тебя знаю! – резко ответил старик, – Но, то по политическим мотивам, а этот – погляди! Весь расписан наколками. Иди, лучше маленьким своим займись.

Егор Трофимович долго возился с раненым, затем сделал ему укол пенициллина, который учёные изобрели совсем недавно. Кто бы мог подумать, что эта обычная плесень спасёт стольким людям жизни! Однако каждый такой укол был на учёте.

Дед долго всматривался в закрытое лицо уголовного, ему, как и многим, не хотелось лишних проблем. Сына Егора Трофимыча – Лёньку – убили бандиты. Парень вернулся целым и невредимым с такой страшной войны, а тут какие-то урки сначала зверски избили, а потом зарезали, как свинью. Мрази проклятые! С тех пор фельдшер возненавидел всех, кто сидел по уголовной статье. Политических он не примешивал, насчёт них у него мнение было другое.

Старик услышал детский плач и немного успокоился. Детей он любил. Может, только из-за ребёнка пожалел молодую мамашу и спас этого парня. В другом случае Егор Трофимыч урок лечить бы не стал.

Вероника перепеленала Семёна, накормила и укачала, затем поставила на плиту печи ужин, достала из буфета бутылку водки, стаканы, наскребла немного денег фельдшеру. Тот от денег отказался, но водки выпил. Раздобыл малость, потеряв интерес к раненому, заинтересовался малышом. Ушёл деревенский доктор под вечер, сытно накормленный и захмелевший.

Вероника прилегла возле раненого Гришки. Открыв парню лицо, она увидела не матёрого бандита, а обыкновенного человека, побитого жизнью. Он совсем молодой, ему нет и тридцати. Зачем же он так жестоко надругался над ней, когда был с другими, наглухо «отмороженными», не знавшими жалости и стыда?.. Банда, в которой находился Воронцов, свирепствовала по всем ближним деревням, никто из жителей не забудет этого. Не забудут и не простят. Вероника понимала, что если она не сдаст парня властям, то будет пособницей и ей самой придётся отвечать по закону. А законы в то время были суровые. И сроки заключения немалые. Тогда Семёна останется круглой сиротой, и она больше никогда его не увидит... Женщина пришла в ужас от этих мыслей и, не сдержавшись, зарыдала, уткнувшись в подушку. Горькие слёзы катились по щекам, не давали уснуть.

Гришка бредил, кричал ночью, вскакивал с кровати, пугая спящего мальчишку. Малыш заплакал, всполошилась очнувшаяся от слёз Вероника. Дав Григорию попить тёплого травяного настоя и кое-как успокоив ребёнка, она снова прилегла на кровать. Уснуть так и не смогла...

Через неделю Воронцов пошёл на поправку. Всё это время молодая женщина думала: сдать его властям, или просто выгнать, когда тот придёт в себя. Да уж такого выпроводишь...

– Вероника, где твой родственник, жив? – послышался с улицы голос фельдшера Егора Трофимовича. Женщина наскоро спрятала Гришку в подполе и вышла из избы.

– Он уехал на прошлой неделе, – не здороваясь, ответила она очкастому деду.

– Вот как? – удивился фельдшер, – так быстро поправился? Что-то ты врешь, голубка.

– Ну, так зайди в избу и проверь! – резко ответила Вероника.

– Я хотел, чтоб он мне помог, – вдруг грустно вздохнул старик, – баба моя померла, похоронить бы надобно...

– О, Господи! – сочувственно произнесла Вероника – чем я могу помочь?.. Сама бы с тобой, дядя Егор, пошла, но у меня маленький на руках, куда я его дену?..

Егор Трофимыч ушёл, расстроившись ещё больше.

– Вылезай, лекарь уже ушёл, – сказала Вероника, приподняв крышку.

Воронцов вылез, по привычке огляделся. Здоровый парень подошёл к своей спасительнице, попытался её обнять.

– Не надо, – отступила женщина, – так и будешь всё время у меня прятаться?

– Ты хочешь, чтобы я ушёл? – нахмурившись, спросил бандит.

– Так будет лучше. И тебе, и мне, – ответила Вероника.

– Куда я пойду?

– Куда-нибудь...

Григорий стал одеваться. В маленькой колыбели заплакал малыш. Она подошла к Сёме и взяла его на руки.

– Вот. Пока ты скрывался от «блюстителей законов», я родила его. Он твой сын.

Гришка обернулся и увидел кроху. Его кровинушка! В душе матёрого бандита вдруг что-то дрогнуло и изменилось.

– Это наш сын! – воскликнул он. – Как его зовут?

– Семён.

– Семён Григорьевич Воронцов.

– А ты, значит, Григорий?

– А тебя-то как зовут, спасительница моя? – радостно спросил Гриша.

– Вероника я. Вероника Владимировна Дубцова.

Гришка, сияя от радости, обняв её и ребёнка, принялся целовать их, что никогда почти не делал в своей жизни, разве что в далёком детстве целовал свою маму.

Григорий остался. Он не смог уйти от семьи спасти свою шкуру от властей. В конце концов, его банды нет, а в тюрьму он больше не сядет никогда! Вместе с Никой они нашли патроны к охотничьему ружью в том же подполе. Гриша ночью уходил на охоту, а утром приходил всегда с добычей. Утка или заяц были разделаны и приготовлены, жизнь стала более насыщенной.

Весной Воронцов занялся огородом, вскопал все грядки, посадил овощи. Вероника покупала на свою пенсию в деревенской лавке хлеб и водку. Молодые полюбили друг друга, и жить бы им – не тужить... Но, злодейка-судьба распорядилась иначе, заставив ответить обоих за старые грехи. Ото всех Гришку спрятать Веронике не удалось.

Незванным гостем, без стука в дверь, на пороге нарисовался деревенский староста. Хитроумный старик, прищурившись, увидев Гришку, спросил:

– А что это, голуба, у тебя за молодой человек живёт? Почему никто не знает в нашей деревне?

– А тебе какое дело? – ответил за жену раздражённый на непрошеного гостя Воронцов.

– Мне какое? – взвизгнул староста, – послушай, чужак, ты, случайно, не из беглых? Что-то я припоминаю...

Гришуня схватил старика за шкуру и начал трясти. Вероника в ужасе прижала маленького Сёму к груди.

– Слышь, старый хрыч, сюда! Если вякнешь насчёт меня в деревне, я не только тебя, но и всю деревню поджарю! Ты понял, старый гад?

– Я всё понял! – трясаясь от страха, с выпученными глазами, ответил староста. – Коли так, я всё понял!

И уже, галопом убегая по улице, угрожающе крикнул:

– Ты мне ответишь за это!

– Вот старый козёл! – в сердцах выругался Гриша, – если бы не ты, Ника, пристрелил бы его, гада!

– Ты слово дал, что не убьёшь больше никого, – упавшим голосом ответила его возлюбленная.

В дом к Веронике вломились вооружённые стражи порядка и староста деревни Евсюков Вениамин Андреевич. У молодых была в это время самая идиллия. Гришку скрутили, заломив руки, и вывели из избы. Потеряв на момент внимание к плачущему Сёме, несчастная Ника выбежала, отчаянно закричав:

– Гришенька! Родной мой!

– Назад, девка! – рявкнул ей в ответ офицер.

– Она, сука, укрывала этого беглого, – доложил ему визгливый, как баба, староста.

– Разберёмся, Вениамин Андреевич! – ответил самодовольный блюститель закона.

Первый раз в жизни Ника посмотрела на Евсюкова с ненавистью.

– Сука, говоришь? – зашипела она не своим голосом. – Это вы – сука, Вениамин Андреевич. Это вы моих родителей сдали фрицам! Это по вашему доносу немцы моих маму и отца расстреляли.

– Она брешет, товарищ майор! Это полицаи их раскрыли и выдали, я тут ни при чём! – попытался оправдываться Евсюков.

– Какие полицаи? – женщина истерично рассмеялась. – Где ты видел полицаев в нашей деревне, старый козёл?

Гриша пытался вырваться, но менты всё сильнее выкручивали ему локти, один из них сильно ударил Воронцова под дых. Григорий охнул, заглывая воздух.

– Вот как? – вдруг заинтересовался старостой майор. – Поедем-ка, папаша, с нами!

– Как вы смеете? – завозмущался Вениамин Андреевич, – я же вам сдал беглого!

– Доносчикам первые кнуты бывают! – зло улыбаясь, сказал офицер и, взяв за шкуру старосту, повёл его к машине.

Веронику то и дело возили в город на допросы. Ей тоже грозил суд и приличный срок за укрывательство особо опасного преступника. Ребёнка приходилось брать с собой, после ареста Гриши Воронцова и старосты деревни Евсюкова местные жители ополчились на молодую женщину, злословя в её адрес, и проклинали Григория. Никто больше Нике не хотел помогать, наоборот, старались её изжить, не задумываясь ни на минуту о маленьком Сёме.

Допрашивал женщину молодой красивый офицер, высокий, светловолосый, с голубыми глазами. Он был сдержан, корректен, не допускал во время допроса бранных слов и угроз. Что ему могла ответить Ника?..

Когда во время войны в деревню вошли немцы, то местных жителей они поначалу не трогали, вели себя вполне мирно и тихо. В отличие от своих соседей, родители Вероники не захотели мириться с фашистами и связались с партизанами, укрывавшимися в нескольких километрах от деревни, в лесных массивах. Благодаря этой связи, партизанский отряд пустил под откос несколько немецких эшелонов с подкреплением, в них погибло много вражеских солдат, была выведена из строя боевая техника. Вскоре фрицам стало известно о партизанском отряде, и они привлекли старосту Вениамина Евсюкова отследить и вычислить связных. В противном случае фашисты пригрозили сжечь деревню и уничтожить всех жителей. Услужливый перед немцами староста, испугавшийся за свою жизнь, быстро выдал отца и мать Вероники.

Перед тем, как немцы вломились в дверь, родители успели спрятать в то время совсем юную и хворую дочь.

Родителей долго допрашивали и жестоко избивали, на них пытался влиять староста, но отец Ники плюнул очкастому старику в лицо. Мать фашисты насильно прямо на глазах связанного супруга. Тот скрипел зубами, пытаясь развязаться, но у полуживого и изувеченного побоями пожилого мужчины ничего не получалось.

Ничего не добившись, фрицы повели обоих супругов в поле перед лесом. Привели туда же и старосту Вениамина Андреевича. Очкарик нервно трясся, ему было страшно глядеть в глаза семейной паре.

Перед расстрелом немецкий офицер последний раз спросил у родителей Вероники, где находится партизанский отряд. Немолодые семейная пара стояла молча в одних сорочках. Офицер дал солдатам команду, те выпустили автоматную очередь.

– Возьми, сука, лопату, и похорони их по-человечески! – приказал обер-лейтенант старосте.

– Чего? – не понял очкарик.

– Ганс! Переведи ему, – процедил офицер.

Переводчик, хорошо владея русским языком, доходчиво объяснил старосте приказ своего командира.

Трясущимися руками Евсюков взял штыковую лопату. Офицер с презрением ударил старосту по лицу.

– По-человечески похорони, мразь! Эти люди, которых мы расстреляли, в отличие от тебя, заслуживают уважения.

Немцы ушли, оставив деревню не тронутой.

Вскоре арестовали и фельдшера. Егор Тимофеевич, в отличие от старосты Евсюкова, не возмутился и не пытался качать права. Терять ему было нечего, да и какая на нём может быть вина? Он всего лишь деревенский лекарь...

Веронику продолжали вызывать на допросы, и в один прекрасный день молодой подполковник сказал ей:

– По закону вас должны были судить с остальными арестантами, которых мы взяли. Но за то, что вы помогли нам разоблачить очередного предателя Родины, вам зачтётся. Почему же вы раньше молчали, Вероника Владимировна?

– У меня не было на него доказательств, – ответила Ника.

– А нам не надо было ваших доказательств, главное, вовремя на него заявить, – нахмурился следователь.

– Что будет с моим Григорием?

– Скорей всего, расстреляют. Вашему любимому я ничем помочь не могу, на совести Воронцова и его банды множество трупов, в том числе – несколько военнослужащих. У них остались жёны, дети.

Она заплакала, голубоглазый блондин в кителе налил ей из графина стакан воды.

– Я постараюсь устроить вам короткое свидание, – пообещал следователь.

– Спасибо, – ответила ему Ника.

Молодой подполковник сдержал своё слово. Веронику пустили на несколько минут на свидание с Григорием. Что она знала о нём? Отец Гриши был зажиточным крестьянином, имел двух батраков, которые пахали с ним каждый день. Женился Лука Григорьевич Воронцов уже сорокалетним, зрелым мужчиной, имея богатый дом, домашний скот, гусей и кур. Его избранница была двадцатилетней барышней, доброй и ласковой девушкой с рыжими, золотистыми волосами, серыми большими глазами, ухоженная и стройная. Звали её Дарьей. На их свадьбе гуляла вся деревня, и казалось, их счастьем не будет конца.

Увы, оно долгим не бывает. Родившиеся у Воронцовых дети один за другим умирали в младенчестве. Выжил только светловолосый Гришка, названный в честь деда. От горя, что имеет всего одного наследника, Лука Григорьевич стал всё чаще прикладываться к спиртному и жестоко избивать свою супругу Дарью Ивановну. Гришке было двенадцать лет, когда его мать неожиданно повесилась – от многочисленных побоев у неё появились проблемы с психикой.

Через несколько лет пришла Советская Власть и Луку Григорьевича раскулачили. Разорившийся крестьянин взял с собой сына и ушёл в банду. Однако, через некоторое время Воронцова-старшего выловили и расстреляли. Гришка с остатком банды продолжал скрываться и совершать разбойные нападения на мирных граждан. Во время Второй мировой войны Григорий Воронцов был уже закоренелым преступником и неуловимым бандитом.

Вероника зашла в специальную комнату с зарешённым окном. Григорий сидел молча на табурете с привинченными к полу ножками. Ника подошла к нему, он встал и обнял её, прижав к себе. Вероника заплакала.

– Где Сёма? – спросил Гриша.

– В другой комнате, ему не положено тебя видеть, – ответила молодая женщина. – Как мы теперь будем жить?..

Она снова расплакалась, а Григорий молчал, не в силах её утешить.

Через три дня по приговору суда Григория Воронцова и бывшего старосту Вениамина Евсюкова расстреляли. Фельдшер Егор Тимофеевич умер в тюрьме, не дождавшись своего освобождения.

На последние деньги Вероника накупила в деревенской лавке водки и хлеба, достала в подполе припасы солёной капусты и картошки. Нашла в городе людей, которые согласились за угощение похоронить Гришу. Местные жители помочь в этом деле отказались.

Кое-как ещё год несчастная женщина и Семён прожили в своём доме в полунищете и холоде. Вся больная и измученная Ника, взяв последнюю бутылку водки, и с маленьким сыном на руках, нашла в себе мужество пойти на могилу, отметить годину любимого Гриши. Односельчане злословили ей в спину, а когда она удалилась за пределы деревни, один из подростков поджёг дом Вероники. Изба запылала страшным огнём, но Вероника ничего этого не видела.

Она достала из-под полы водки, зубами откупорила бутылку и, одной рукой придерживая Семёна, другой поднесла горлышко ко рту. Горькая, крепкая жидкость обожгла горло, в голову ударил хмель.

Вероника стояла над могильным холмиком расстрелянного Григория и, прижав к груди мальчика, горько плакала.

Жители деревни, даже не наказав подростка за поджог, не переставали злословить молодую женщину и её ребёнка. Русские люди...

Над могилой узника

женщина рыдает.

Мальчика в подгузниках

к сердцу прижимает.

На кресте распятый

видится Иисус.

В горле неприятный

горькой водки вкус.

Расстреляли милого

в зоне год назад...

И стоит любимая,

не отводит взгляд.

А в родной деревне

мужа проклинают.

Слышен шёпот гневный
и молва людская.

– Сатанинский отрок
вырастет такой же.
– Дел таких же мокрых,
сделает он больше.

– Не жалейте, люди,
эту стерву-мать!
– Знать сучара будет,
от кого рожать!

...Мог ли знать мальчонка,
что отец – бандит?
Что отец ребёнка
здесь, в земле лежит.

Неожиданно осенний холодный ветер сменился проливным дождём. Промокшая до нитки Вероника поспешила с сыном на руках в деревню. Увидев свой сторевший дом, женщина в ужасе заметалась. Отчаянно крича, она бросилась стучаться в соседние деревенские дома.

– Помогите! Я вас умоляю! Ну, ради ребёнка прошу!
– Чего тебе надо, подстилка бандитская? Убирайся отседова!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.